

ЗАВЕЩАНИЕ

ЗИМИН АЛЕКСЕЙ

16+

Алексей Петрович Зимин

Завещание

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65384141

SelfPub; 2022

Аннотация

То, чего страшишься сильнее всего, обязательно произойдет! И когда это происходит, ты становишься перед выбором, что для тебя самое важное. Родители? Дети? Любимый человек? А может быть, твоя собственная жизнь или что-то ещё? На что ты готов пойти ради этого? Хороший вопрос!

Но ты когда-нибудь думал, что важно для другого? В поисках ответов осмотрись по сторонам и приглядиись к ближнему своему, возможно, ты ступаешь на зыбкую почву. Правда иногда шокирует, обманутым жить проще. Главное помнить, когда заглянешь в Бездну, то встретишь её взгляд!

Чужая душа – потёмки! Выставляю на обозрение свою. Прочти и подумай, что творится в сознании «Незнакомца».

Алексей Зимин

Завещание

ВВЕДЕНИЕ.

ДЛЯ ТЕБЯ

ОЛЬГА!!! – *второстепенный персонаж произведения «Завещание», имеющий определённую сюжетную нагрузку, но играющая одну из ключевых ролей в мире автора.*

ДЛЯ БРАТА

В феврале 2019 года моё психологическое состояние оставляло желать лучшего. В очередной зимний вечер мы с тобой как обычно созванивались и по несколько часов разговаривали. Не помню, как мы подошли к этой теме, но я тогда сказал:

– Мне всегда хотелось что-то эдакое написать.

На что ты ответил:

– Так вперёд. Сейчас самое время. Ведь, когда тебе по-настоящему плохо и рождается нечто подобное.

Я серьёзно задумался, мы прикинули жанр и после твоей излюбленной фразы «Перо само возьмёт» дело пошло. И вот перо взяло, и книга закончена. На протяжении всего времени ты держал руку на пульсе, принимал самое прямое участие в этом мероприятии. Мы часами по телефону составляли сюжетную канву, придумывали персонажей, обсуждали сцены

и события. А потом по вечерам вместе смеялись и грустили после моего очередного прочтения готового отрывка. Сам процесс написания оказался куда важнее и интереснее, чем конечный результат. Спасибо тебе!

ДЛЯ БАБУШКИ

Есть много людей, которым я бескрайне благодарен. В основном, конечно, это семья и близкие друзья. Но есть один человек, которому я благодарен в особенности. Это моя бабушка. Спасибо тебе за годы заботы, поддержки, бескорыстной любви. И даже в те нелёгкие дни, когда жизнь кидала тебя в пучину отчаянья ты оставалась рядом: как наставник, воспитатель, мама и отличная бабушка. **СПАСИБО ТЕБЕ ЗА ВСЁ И НИЗКИЙ ПОКЛОН!**

ДЛЯ АВТОРА

ПОМНИ: ты не один, но ты одинок. Если однажды проснёшься и поймёшь, что в первом предложении после запятой что-то изменилось – знай, ты снова счастлив.

ПРОЛОГ. Я ВСЕГДА БОЯЛСЯ ОСТАТЬСЯ ОДИН

Я всегда боялся остаться один. Когда некуда идти, по дороге некому позвонить, а по возвращении назад никто не будет ждать. Знаете, один мой знакомый говорил, то чего страшишься больше всего, то и произойдет. Он как-то признался мне, что боится потерять свою девчонку, подкрепляя это тем, что в её лице обрёл смысл жизни. И правда, со стороны они казались любящей, гармоничной парой, неким этало-

ном, если хотите. Те четыре года, которые мы учились вместе на отделении «Лечебное дело» в медицинском колледже, все в одно горло кричали какой прекрасный дуэт и союз. Но по иронии судьбы с ним произошло то, чего он боялся больше всего, они расстались. Подробности мне не известны я не тот, кто лезет в чужую жизнь.

Подобная участь ждала и меня, страхи воплотились в реальность. Сначала погиб отец, если быть точнее его убили по дороге домой. Помню, как сейчас: только начался четвертый курс моего обучения в медицинском колледже. Мать и я сидели на диване, а по телевизору шло какое-то шоу как раз за полночь. Мы ждали его домой, прислушиваясь к каждому шороху или топоту из подъезда. При других обстоятельствах я бы уже отправился спать, ведь на учёбу вставать нужно рано. Но в тот день даже захоти, глаза бы не сомкнулись. В итоге были обзвонены все друзья, затем больницы и ментовки, и наконец морги. Ответ везде один не видели, не поступал. Так прошёл день, потом второй, за ним третий. Отца нашли мёртвым. От него осталось лишь понимание и неприятие того что произошло. Я после долгое время раз за разом подходил и нюхал его гаражную синюю куртку, висевшую за дверью в моей спальне, чтобы не забыть отцовский запах. Глупо наверно! Мать в итоге сильно подкосило. Только я закончил колледж, как её тоже не стало. Официальная причина смерти – сердечная недостаточность. Ей было сорок семь лет, столько же было отцу, когда он погиб. Они не жили

долго и счастливо и не умерли в глубокой старости в один день, но ушли на одном году жизни, достойно пройдя свой путь вместе, до конца.

Третий и последний близкий мне человек – бабушка по матери. Она жила в другом городе и звали её Александра, но я называл её Шура. К сожалению, покинула нас бабушка задолго до трагедии с родителями. Так, всего за несколько лет я остался один, имея на руках три свидетельства о смерти самых близких мне людей. Кто-то скажет это просто совпадение, рано или поздно это бы случилось. Тогда уж лучше поздно и в совпадения я не верю. Не поймите неправильно оставались и другие, так называемые дальние родственники. Видел я их всего два раза: первый на фотографии, второй на похоронах у отца. Что касается друзей, то лично у меня их никогда не было. Были знакомые или хорошие знакомые, но друзей – нет. За спиной, даже мои одноклассники называли меня нелюдимым. Я и вправду плохо схожусь с людьми в силу своего характера. То чего я так боялся больше всего – произошло, словно злой рок был исполнен.

Ни что больше не держало меня в родном городе, а потому уладив дела с домом родителей, отправился в Балашов, где жила бабушка. Её старая квартира на пятом этаже пустовала. В детстве я все каникулы проводил там, а потому вся лестничная площадка меня уже знала. Там жили одни старики, и моя бабуля была у них на хорошем счету. Умела, как никто налаживать контакты. Плюс на местной станции скорой

помощи удалось получить ставку фельдшера. Это стало ещё одним поводом перебраться на мамину родину. На вырученные деньги за отчий дом, удалось отшаманить бабину двушку, сделать ремонт и обставить всю квартиру заново, ещё и осталось. Так началась моя новая жизнь. Не всё так плохо конечно. Моя новоиспечённая профессия позволила завести знакомства в рабочей сфере, а также привлечь внимание к моей персоне у соседей по подъезду. Ведь по доброте душевной и по долгу службы, я не мог им отказать в профессиональной помощи. Тем более мне не в тягость, да и знали меня все, как Шуриногo внука. Ну и как тут откажешь?

К своему удивлению у меня появился друг, вероятно странный, для человека моего возраста, но всё же. То была баба Клава, как её называл я или Клавдия Семёновна, как её называли все в подъезде. Была обычной, если так можно сказать Российской старушкой, но приверженцем советского времени. Ведь больше половины своей сознательной жизни провела именно в ту, как она говорила замечательную и справедливую эпоху. А эту современную жизнь не понимала, да и понимать не хотела. На самом деле мои воспоминания о бабе Клаве отходят ещё к детству. Я и сейчас помню, как родители привозили меня на все каникулы в Балашов, и мы с бабушкой Шурой каждый вечер приходили к Клавдии Семёновне смотреть сериалы по телевизору, а по пятницам ещё и «Поле Чудес». Почему именно к ней? Возможно, потому что они ладили лучше всех, либо она жила через стенку и не

надо было далеко идти. Бывали и дни, когда она сама приходила к нам, просто поболтать. Из таких разговоров я узнал, что работала старушка на обувной фабрике и где-то на дальнем востоке, товароведом по учёту рыбы и двадцать лет дезинфектором в санэпидстанции, прямо до самой пенсии. Там, как она заверяла и оставила своё здоровье. Так же, что детей и внуков у неё нет, муж умер давно, а сестра – её ближайший родственник, живёт далеко. Так и повелось, старушку я знал с детства, а потому после моего переезда, мы быстро нашли общий язык. Начал помогать по быту, иногда ходил в магазин, участвовал в уборке и другие мелочи. Мерил артериальное давление, советовал препараты. В такие моменты она в шутку называла нас коллеги, ведь работая в санэпидстанции, считалась как средний медицинский работник. Баба Клава стала относиться ко мне как к сыну или может внуку, которого никогда не было, и которого приобрела. Я тоже был не против такого родства, старушка хоть и немного, заменила частичку семьи, которую потерял.

ГЛАВА 1. ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

В то, как мне казалось с первого взгляда обычное утро, я отработал и сдал смену на станции. Плюсом прождал на остановке автобус. Город вроде не большой, но уехать в район, в котором проживал, всегда проблематично. Особенно в воскресенье, когда автобусы почти не ходят – добирайся, как хочешь. И того, у двери родного дома стоял около десяти

утра, учитывая, что смена заканчивалась в восемь. Я копошился в кармане куртки и не мог отыскать ключи, которые вперемешку с мелочью полученные от кондуктора автобуса, найти не так просто. Но резко остановился. Как бы странно не звучало, но меня привлекла гробовая тишина, стоявшая на лестничной площадке. Обычно в это время баба Клава смотрела «Вести». У старушки прослеживались проблемы со слухом, восемьдесят лет как ни как, а потому громкость на телевизоре она выкручивала порядочно. А так как стенки у нас тонкие, на площадке всё было слышно, но не сегодня. Именно сейчас слышалось только собственное дыхание, а после звон ключей. Предавать этому значение не имело смысла, мало ли чем человек занят, а потому вставив ключ в железную дверь и крутанув пару раз, зашёл в уютную квартиру.

Переделав кучу бытовых мелочей, уселся в кресло. На пару минут прикрыл глаза, в мыслях прокручивая прошедшую смену. В дверь резко позвонили. Тут пришло осознание того, что я задремал и хотя находился в состоянии полудрёма, этот звонок не перепутаю не с чем: протяжный, в течение пяти секунд, и два коротких звоночка в конце. Это подчерк бабы Клавы, её визитная карточка. Я глянул на часы телефона, время одиннадцать, как всегда, крайне пунктуально. Вот уже две недели подряд в одиннадцать утра и девять вечера мы с бабой Клавой измеряем ей артериальное давление. По наставлению участкового врача, она делает записи результа-

тов в тетрадь. У неё, конечно, есть свой тонометр, автоматический с подсчётом пульса, который в конце громко, голосом, выдавал результат измерения. Для старушки с плохим зрением и проблемами со слухом – идеально. Но поймите меня правильно, не доверяю я им. Как показывает практика, их результаты бывают крайне далеки от реальности. Другое дело механические тонометры, если уметь ими пользоваться, достаточно точны – у меня естественно такой. Я вскочил с кресла и направился к двери. Зуб даю, открыв, там будет Клавдия Семёновна. Так и получилось. Распахнув дверь, увидел старушку.

– Привет Семёновна! Нарядно выглядишь, на свидание собралась?

– А как же, какие мои годы?

Мы оба рассмеялись. Но что интересно, баба Клава выглядела сегодня и правда по-другому. Помимо нарядной, если можно так сказать праздничной одежды, казалась посвежевшей.

– Сегодня я жду много гостей, приедут дальние родственники.

– Серьёзно? – Удивлённое выражение лица, с которым я произнёс эту фразу, было далеко не поддельным. То, что старушка не общается с родственниками и уж, тем более, не состоит в дружеских отношениях – не секрет. И речь идёт, не только о встречах хотя бы раз в год, а даже о поздравлениях в дни рождения по телефону, которых никогда не получала.

– Что за повод, если не секрет? – Теперь мне стало до жути интересно.

– Скоро наступит самый важный день в моей жизни! – Она произнесла эту фразу, как будто заранее готовила текст.

– Ну ты прям интриганка. Так. Окей. Сейчас я только возьму тонометр, и пойдём к тебе, давление мерить.

Я быстро развернулся, забежал в зал, схватил заранее приготовленный аппарат, лежащий на компьютерном столе, и вернулся, но в дверном проёме её уже не было. Наверно зашла к себе. Хотя по правде, быстроходностью она не отличалась, скрипа двери я не слышал, а поход за тонометром занял от силы, секунд пятнадцать.

Баба Клава жила в однокомнатной квартире. На входе маленькая прихожая, для того что бы понимать каких она размеров, туда не вмещался даже шкафчик для одежды, просто висели крючки. Прямо кухонька, слева достаточно просторный зал, а справа спаренный туалет с ванной. Для одного человека не плохо, по крайней мере, она никогда не жаловалась. Я скинул тапочки и зашёл в зал. Тут царил постсоветский интерьер. У стены напротив входа, почти во всю ширину стоял гарнитур, годов восьмидесятых. В нём хранилось всё: сервиз под стеклом, книги, посуда, внизу белье и одежда, а за дверцей под замком, лекарства. Сверху на ней лежала так же всякая всячина: часы, соковыжималка в коробке, плюшевая игрушечная собака и даже небольшой самовар. С другой стороны, складная софа зелёного цвета, такая была

и у моей бабушки, только жёлтая и скрипела даже когда на неё садилась муха. Над софой висел красный с узорами ковёр, и рядом стояло кресло. У окна располагался массивный полированный стол, на подоконнике алоэ и тройка кактусов, а разделяло всё это, белая тюль и шторы. На полу линолеум, который лежит с тех самых пор, как дом начал заселяться. Интерьер здесь не менялся, должно быть, лет тридцать или сорок. Самой новой вещью, оказался телевизор «Рубин». Он достался бабе Клаве за так, от соседки, которой дети купили плазму. Со всем с тем у неё было очень уютно.

Баба Клава сидела за столом и ждала меня.

– Какая ты шустрая, я только отвернулся, а тебя и след простыл. Смотрю ты сегодня бодрячком.

– Так за мной опытный специалист присматривает. Тут не захочешь – побежишь. – Ответила старушка.

– Скажешь тоже, специалист. Самой-то не смешно?

– Ничуть! Сколько раз я тебе говорила Кирюш, не принимай себя, но и нос не задирай, а специалист ты будешь отменный, просто пока опыта недостаёт. Я-то знаю что говорю, всё-таки жизнь прожила, у меня глаз намётан.

– Мне иногда кажется, медицина это не моё. Вроде людям помогаешь, доброе дело делаешь. Да и что я четыре года зря учился, родители тянули, но... – я на секунду задумался, и продолжил. – Но не чувствую себя на своем месте. Как будто, не в своей тарелке.

– Твоё, твоё. Подожди, всё устаканится. Москва тоже не

сразу строилась.

Баба Клава мудрая старушка и сколько её знаю, она мне ничего плохого не советовала. Впрочем, как и сейчас, но я всё равно остался себе на уме.

– Ладно, давай руку.

Она засучила рукав платья и приготовилась. Я расстегнул манжету тонометра и начал надевать, но резко отдёргнулся. Сказать, что это выглядело странно, не сказать ничего. Будто ужаленный. Хотя Клавдию Семёновну это не смутило или она, просто, не подала виду.

– Чего ты? Не будем сегодня? – Сказала она таким тоном, будто минутой ранее, я не шарахнулся от неё, едва не выронив тонометр.

– Да нет, всё нормально, сейчас продолжим.

Я опять взял манжету, которая уже сползла и начал надевать на плечо. Закрепил, так что бы она располагалась примерно на два сантиметра выше локтевого сгиба. Все как учили – прямо по книжке. Первый раз, надевая аппарат, мне показалось, будто я прикоснулся к покойнику. Кожа старушки была холодной, но теперь всё стало нормально. Всё же стоило поступиться своими правилами и поспать после работы, а то крыша совсем потекла. Приложил мембрану, вставил стетоскоп в уши, закрутил колесико и начал грушей нагнетать манжету. Обычно я накачиваю до двухсот миллиметров ртутного столба, так сделал и в этот раз. Постепенно начал спускать воздух, медленно откручивая колесико и парал-

лельно следя за стрелкой на циферблате. Сегодня явно не мой день, ведь дойдя до отметки сто тридцать, если всё хорошо, обычно начинался первый тон и стрелка дёргалась. Плюс минус десять пунктов. Но в этот раз – ничего. Вообще! Абсолютно! Выпустив воздух до конца, так ничего не услышал и не увидел.

Баба Клава вопросительно посмотрела на меня:

– Ну? Что там? В космос можно лететь?

– Ааам. Сегодня явно не мой день, – ответил я, снимая стетоскоп. – То ли у меня руки кривые, то ли тонометр сломался?

– Что же ты там намерял? – Улыбаясь, спросила старуха.

– В том то и дело – ничего. Ноль. Давление не прослушивается. Наверно что-то сломалось? Подожди, сейчас разберёмся. Давай твоим померяем.

Я уже потянулся к электронному тонометру, который лежал на столе, но баба Клава меня остановила.

– Не надо. Успокойся. Я уверена, что с твоим тонометром всё нормально и с тобой тоже. Не будем ничего перемерять, тем более что чувствую я себя сегодня великолепно.

– Точно?

– Да.

– А как же участковый врач? Придёт проверять будет.

– Мы с тобой две недели меряли и этого хватит.

– Ну смотри, тебе видней, хозяин – барин.

Я отстегнул манжету, снял аппарат с руки и положил на

стол. Пододвинул стул и тоже уселся.

– Устал со смены? Много вызовов было? – Баба Клава посмотрела на меня жалеющим взглядом, зная, как я умаялся.

– Тринадцать, – пробормотал я. – Всего вроде тринадцать вызовов, но на самом деле так много. Кто-то вызывал повторно, кто-то пьяному соседу, так же мотался в Пинеровку к беременной. Ещё просто порожняком гонял, ехал на сердечника, а приехал к бабульке, которая уже в коридоре ждала с сумками, что бы её в терапию отвезли. Ну разве мы такси? Был на констатации смерти и так далее. Не поесть толком не успел, ничего. Как бы сегодня не вызвали карты переписывать.

Баба Клава, внимательно выслушав мои жалобы, привстала.

– Знаешь, что? А давай ка лучше чайку попьём и на время забудем о работе.

Я улыбнулся, потому что от чая бы и правда не отказался. И тоже собрался вставать.

– Сиди, сиди. Я сама всё сделаю, ты и так устал с работы.

Хотелось возразить, но не стал, остался сидеть в зале за полированным столом и слушать, как Клавдия Семеновна копошится на кухне. Через некоторое время она вошла с подносом, на котором парили две кружки с чаем, мёд в пиале, сушки и пряники. Мы принялись чаёвничать и беседовать.

– Ну ты и конспиратор, – начал я. – Я вчера на смену ухо-

дил хоть бы слово проронила, что намечается что-то грандиозное.

– Грандиозное, но это ты преувеличиваешь.

– Ни фиги себе, преувеличиваю. К тебе родня приедет первый раз за много лет.

– Понимаешь мы с сестрой уже не молодки, мне восемьдесят, ей семьдесят восемь. Время в таком возрасте идёт не на дни, а на часы. Какие бы между нами не были разногласия мы всё же родные сёстры. Вероятно, видимся последний раз. – Её слова прозвучали крайне грустно, но на лице у Клавдии Семёновны, это видно не было. Наоборот она сидела спокойная и умиротворённая.

– Она одна приедет?

– Нет. Её привезут дети, если быть точнее: дочь с мужем и внучка Олеся. Она примерно твоего возраста, если не ошибаюсь.

– Извини за бестактность, я обычно не лезу вот так вот с расспросами, но почему вы перестали общаться? – Мне крайне неудобно задавать такие вопросы, но любопытство брало верх.

– Отчего не рассказать, расскажу, тут секрета нет.

Но наш разговор прервал телефонный звонок. Я достал мобильник из кармана, на нём светилось имя Люба. Степень моего разочарования в тот момент не описать словами. Люба, или Любовь Николаевна – старший фельдшер на станции скорой помощи. Как профессионал своего дела, работу

она выполняла качественно. Но как человек. Тут было по настроению, если хорошее, то посмеётся и пошутит. Но если ей сделали нервы с утра по раньше, то на глаза лучше не попадаться. Ко всему этому добавлялось её извечное мнение о молодежи, что мы не такие как она была в нашем возрасте и одного года не продержимся на станции, вылетим, и вообще должны жить на работе и думать только о медицине. А потому как пройдёт разговор зависело напрямую от её душевного состояния в данный момент.

– Да? – Я всегда так начинал телефонный разговор, когда мне звонят.

– Алё Кирилл. Ну, слушай что. Андрей Юрьевич проверял карты вашей смены. Надо прийти переправить, а то ругается, говорит, оштрафует всех. Сегодня сможешь?

– Смогу. Выбора то у меня всё равно нет.

– Конечно нет, – радостно ответила Любовь Николаевна. – Отлично, тогда ждём. Стой, не клади трубку. Чуть не забыла, у тебя номер Насти есть, а то найти не могу?

– Не помню. Посмотрю, если есть, скину смс. – Конечно у меня был номер, но давать его Любе, не спросив сначала Настю, не собирался. Мало ли что человек запланировал, а её будут дёргать на работу в собственный выходной.

– Хорошо, давай. – Ответила Любовь Николаевна и положила трубку.

Разговор вышел как всегда конструктивный, короткий и по делу. Благо, она оказалась в хорошем настроении и не

спустила на меня собак. Идти не хотелось, но тут ничего не попишешь, назвался груздем, полезай в кузов. Теперь придется. Я посмотрел на Клавдию Семеновну и понял, она уже догадалась, кто звонил и по какому поводу. А потому слёту сказала:

– Не расстраивайся, надо значит надо. Такая у тебя работа.

– Да понимаю я, не хочется. Мы так хорошо с тобой чай пили, разговаривали по душам.

– Ну, будет тебе. – Она похлопала меня по плечу.

– Так. К тебе сегодня родственники приедут, надо будет угощать чем ни будь. Давай составим список, я в Кулинарию схожу и всё куплю, а потом на работу пойду.

Кулинария – это местный магазин, в районе котором мы жили. Инфраструктура тут развита плохо, а потому не школы, не садика здесь не было, даже сетевых продуктовых по типу «Магнит» или «Гроздь», да что говорить, банально отсутствовал банкомат. А потому, магазином выбора была Кулинария, ну знаете, как препарат выбора – достаточно эффективный при минимальных побочных действиях. Тут так же, имелось всего по чуть-чуть и минимум просрочки.

– Не забивай себе этим голову, я сама со всем справлюсь. А ты ступай на работу.

– Вот так вот уйти и бросить тебя один на один... – Я не успел договорить, как Баба Клава меня резко перебила.

– Я все уже заранее приготовила. Можешь не волноваться

и ехать на работу со спокойной душой. Я не маленькая девочка и знаю, как встречать гостей.

Что ж, тут ответить нечего. Единственное, что всплывало в голове, это когда она всё успела. Я встал из-за стола, одним глотком допил уже остывший чай.

– Раз у тебя всё под контролем то не буду тратить время, побегу на работу. Пойдём, проводишь меня до двери и закроешься заодно.

Я подал руку Бабе Клаве и помог встать.

– Всё, побежал, удачно тебе встретить гостей, сильно не боюсь. Шучу! – И приобнял старушку.

– Вечерком как с работы приедешь, загляни ко мне, хорошо?

– С удовольствием. Не прощаемся.

Я вышел в подъезд и захлопнул дверь. Оставалось только переодеться и в путь. В итоге, из дома стартовал в начале первого. Автобус, на котором добирался до работы отъезжал от остановки в тридцать минут. Но, как и полагается он не приехал. Обычная практика для Нефтяной, либо на обеде, либо сломался. А потому вместо маршрутки номер «одиннадцать» пришлось ждать «одиннадцать А». Сев в автобус, я написал Насте, хорошо она была онлайн, не люблю лишний раз звонить и беспокоить. Найти её в списке друзей в социальной сети не трудно, ведь таковых там не много, да и те коллеги по работе. Положив телефон в карман задремал, периодически открывая глаза, чтобы не пропустить конечную

остановку. На станции я задержался на удивление долго, хотя столько и не планировал. Просмотрел карты, потом оказалось у коллеги юбилей – тридцать пять лет. После пошёл в гипермаркет и только потом поехал домой. Время подошло к половине седьмого вечера и уже порядком потемнело. Ноябрь. Я зашёл в подъезд, на первом и втором этаже свет горел всегда, а вот дальше начинались проблемы, иногда идти приходилось на ощупь. Подойдя к двери, поставил пакеты с продуктами и снова принялся искать ключи. Второй раз за день терять их в кармане это либо сверх невезения, либо я конченный неудачник. Облазив всё, подумал, что потерял, как вдруг нащупал среди мелочи. Самое смешное, минут пять, шарил в этом кармане, а потом столько же в других. Но злоключения на этом не закончились. Теперь не мог попасть в замочную скважину, будто она вообще пропала. Меня это уже начало раздражать. Пришлось достать телефон, который чуть не выронил из рук и включать фонарик. И о чудо, ключ я всё-таки вставил. Мне несказанно повезло, ведь теперь заклинил замок. Да, это был сарказм, я еле сдерживался, чтобы не заорать на весь падик. Пошаманив над замком несколько минут, внутри что-то щёлкнуло и ключ начал поворачиваться. Дверь открылась, но не моя, а Бабы Клавы.

Яркий свет из квартиры ударил в глаза, немного ослепив, но через несколько секунд всё пришло в норму. На пороге стояла молодая девушка, примерно моего возраста, может на пару лет моложе. Как и положено, новых людей встречают по

одежке, и то что я увидел, мне по душе. Девчонка приблизительно одного со мной роста, а это значит где-то сто шестьдесят семь сантиметров. Мягкие черты лица, выразительные карие глаза, подчёркивались ещё больше стрелками, нарисованными макияжным карандашом. Шатенка с длинными волосами, падающими по обе стороны на плечи и прикрывающая лоб, ровная чёлка. Стройная фигура подчёркивала женственность и в тоже время манящую естественность, пока что ещё не знакомой мне особы. Завершал композицию аромат духов. Для меня он был чем-то новым, таким терпким, сладким, но не приторным. Тут я поймал себя на мысли, мы стоим и молча смотрим друг на друга, уже около минуты. В голове каша и бардак. Нужно что-нибудь сказать, но кроме шутки Семёновна как ты помолодела, ничего больше на ум не приходило. Но не ловкое молчание прервала девушка:

– Здравствуй. Ты наверно, Кирилл? – Она протянула руку для приветствия.

– Привет. Да, всё верно, – я в ответ поздоровался. – Но откуда ты... – не успев договорить, резко получил ответ.

– Баба Клава много о тебе рассказывала.

– Тогда понятно.

Тут до меня дошло, передо мной стояла её двоюродная внучка, о которой говорилось утром. Меня сразу кое-что смутило. Как старушка могла обо мне много рассказывать, если они не общались?

– Мы знаем, как ты к ней относился, думаю она хотела,

чтобы ты тоже присутствовал.

– Вообще-то я собирался зайти, только хотел сумки поставить. – Ответил я, проигнорировав тот факт, что она говорила в прошедшем времени.

– Пойдём.

Девчонка взяла меня за руку и начала заводить в коридор. В голове мелькало, во-первых, а как же сумки, оставленные в подъезде, а во-вторых какая у неё нежная и мягкая кожа. Переступив порог, я слёту зарядил:

– Привет Семёновна! – Звук моего голоса приглушился.

Я чтобы не споткнуться, смотря на пол, переступил через порог и сразу начал разуваться, но остановился. Снова мёртвая тишина обступила меня. К ней прибавилось ещё и ощущение, когда не знаешь, не видишь, но ловишь на себе чей-то пристальный взгляд. По спине пробежали мурашки. Я медленно приподнял голову и посмотрел исподлобья в уверенности, что наткнусь на Семёновну. Шесть пар глаз. Шесть въедливых, застывших пар, с гнетущей маской лица, одновременно обращены в мою сторону. Они расположились полукругом в полумраке зала, облаченные во все чёрное, будто в траурный покров, окружая собой что-то стоявшее в центре. Я не мог посмотреть, что именно. Взгляд был прикован к их лицам. Глаза бешено перескакивали то на одного, то на другого. Ужас комком подступал к горлу, будто попал на шабаш ведьм. А потому одно движение с их стороны, и я готов бежать. Поздно! Дверь позади меня хлопнула, и чья-то рука

опустилась на плечо. Я резко дёрнулся.

– Ты как? В порядке? – Произнесла спокойно Олеся.

Девчонка следила за моей реакцией. Очевидно, она заметила, что я трясся как осиновый лист на ветру, скрыть такое невероятно сложно. В голове вертелась куча вопросов по поводу происходящего, из дюжины которых резко всплыл один. Где баба Клава?! Среди стоящих людей, её точно нет. Потихоньку взял себя в руки и выдавил:

– Где Клавдия Семёновна?! – Мой голос звучал жестко в этот момент, я был серьёзен и напуган.

Девушка недоумевающе посмотрела на меня. Потом повернула голову и глазами повела вглубь зала, пока её взгляд не остановился. Я последовал примеру. Толпа людей, не сговариваясь между собой, немного расступилась, открыв то, что стояло за ними. И в этот момент время замерло и всё вокруг остановилось. Мне бы хватило трех шагов, что бы зайти в зал, но тело онемело, налилось свинцом, даже воздух стал тяжёлым. Готов поклясться, ноги сковало путами. Следующие несколько мгновений, я оказался сторонним наблюдателем происходящего. Это не похоже на сон, или как люди описывают кому и клиническую смерть. Нет. Будто заключённый в незнакомца просматривал его воспоминания и не мог ни на что повлиять. Всего лишь зритель в собственном теле. Я видел, как Олеся взяла меня за руку и завела в зал. Но не её мягкой кожи, ни собственных тяжёлых шагов, ничего не ощущал. Осознание увиденного, вернуло меня в чувства.

Всё снова стало более чем реальным. Я обнаружил себя вцепившимся в край гроба и сжимающим кулаки, что есть мочи.

– Как? – Громко чуть ли не прокричав, сказал я.

– Эй, парень? Может, лучше присядешь? – Произнёс мужчина хриплым голосом, стоявший напротив меня.

– Как это произошло? – Я продолжил полностью, проигнорировав его вопрос.

– Инсульт. – Спокойно ответил он.

Немного замешкав, я спросил:

– Можно мне ознакомиться с медицинской документацией?

Мужчина без лишних слов подошёл к подоконнику, открыл коричневую барсетку, достал оттуда две бумаги и протянул их мне. Это были: справка из морга и свидетельство о смерти. В голове возник вопрос: Как так быстро они получили эти справки? Я начал читать и от написанного меня перевернуло, в обоих документах указано вчерашнее число даты смерти! Разные мысли и вопросы, накладываясь друг на друга, стали атаковать мою голову: «Я же, её сегодня видел?!»; «Как, вчера умерла?!»; «Может, мне приснилось?!»; «Что происходит?!».

Вдруг ярко и отчетливо, я вспомнил сегодняшнее утро, и мой взор невольно потянулся в сторону стола. Кружка! Она стояла на том месте, где я её оставил. Я что, схожу с ума? Лютый ужас парализовал меня, сердце хотело вылететь из груди, сознание стало путаться, sopорное состояние всё сильнее

одолевало.

– Держи парень.

Услышав это, меня резко выдернуло из состояния сопора и вернуло в сознание. Почуяв запах этанола, увидел перед собой вытянутую руку, держащую рюмку. Я не люблю водку, но на автомате потянулся и залпом опрокинул стопарь, даже не почуяв.

– Кирилл. – Робко вымолвил, вспомнив, что даже не представился.

– Илья Петрович, – незамедлительно отреагировал, всё тот же мужской хриплый голос. – Приятно познакомиться!

Я начал осматривать всех присутствующих, всё-таки их вид был несколько необычен: все мужчины одеты в строгие, дорого выглядящие, чёрные костюмы с чёрными рубашками, а женщины в чёрные платья, отличающиеся только фасонами, с хорошими причёсками и аксессуарами.

– Ты как? – Спросила Олеся.

– Что-то я переволновался.

– Предлагаю почтить минутой молчания новопреставленную Клавдию. – Сказал Илья Петрович.

Все неожиданно замолчали и уставились на покойную, я тоже последовал их примеру. Семёновна лежала в гробу и выглядела, как живая, немного румяная, умиротворённая, будто спала, только слегка заострённый впалый нос, давал понять, что передо мной покойник. Эта минута длилась вечность, а этот вечер словно превратился в лимб – в ситуацию,

из которой невозможно выбраться. Опять история повторилась, опять я один, снова тьма.

Не знаю, сколько это длилось, в итоге все начали потихоньку общаться, передвигаться по комнате, а я как вкопанный стоял у гроба, не обращая ни на кого внимания.

– Видимо она была вам дорога? – Промолвил дрожащий женский голос: – Я Нина Семеновна, сестра Клавдии. Вы, наверно устали Кирилл, ступайте домой. Отдохните.

– Да спасибо, так и поступлю. – Ответив равнодушно, пошёл в прихожую.

– Пока. – Прозвучал нежный девичий голосок Олеси.

– Спасибо, что позвали, если чем-то могу помочь, не стесняйтесь. Могу выделить пару мест для ночёвки.

– Нет, мы останемся этой ночью в гостях у Клавдии, всё-таки последний раз видимся, хотя пожалуй, возьмите Олесю, пускай отдохнёт, а то день выдался не из лёгких. Пойдёшь Олесь?

– Да бабуля. – Внезапно отреагировала Олеся и уверенно направилась ко мне.

– Хорошо, пойдём! – С неким удивлением ответил я.

Мы вышли в тёмный подъезд, я споткнулся о свои забытые вещи, ещё раз проклял нашу, вечно без света, лестничную площадку. На удивление быстро, нашёл ключи и открыл дверь, включил свет в прихожей и предложил девушке войти. Она быстро проскользнула, сняла дорогие чёрные туфли на высоком каблуке и стала пониже, и от этого ещё милее,

и хрупче.

– Чувствуй себя как дома. – Сказал я как-то уверенно, по-хозяйски.

– Спасибо. – Ответила она наоборот, робко и смущённо.

Закрыв дверь, обстановка резко поменялась, наступило какое-то облегчение, нахлынула усталость, и приятное ощущение присутствия женского пола в моей одинокой мужской берлоге. Не понимаю, вроде такой шок, смерть бабы Клавы, а с другой стороны, будто моя душа увидела новый свет, так легко и уютно, даже немного стыдно, что я испытываю такие эмоции.

– Проходи не стесняйся. – Немного восторженно сказал я, и проследовал в спальню, параллельно включая везде свет.

Олеся прошла за мной, наполняя квартиру приятным ароматом, неприсущим этому жилью.

– Чай будешь?

– Было бы неплохо.

Я быстро прошёл на кухню и поставил греться чайник, затем показал Олеся, где что находится. Мы попили чай, немного поговорили о произошедшем, и решили укладываться спать. Поменяв постель на диване, взял другой, чистый комплект белья, из имеющихся трёх, а себе постелил на раскладном кресле. Олеся смущённо, слегка покраснев, спросила у меня футболку, чтобы переодеться, я не менее смущённо вручил свою новую, чистую футболку с принтом «Звездных воин». Везде погасил свет, кроме туалета, что бы

гостья ночью не заблудилась, и мы улеглись спать. Осознание присутствия красивой девушки со мной в одной комнате, ещё полчаса будоражило уставший ум, однако царство морфея настойчиво манило, и я отключился.

– Кирилл ты спишь? – Послышалось сквозь сон. – Кирилл проснись.

– Что, что? – Я, как пьяный пробормотал в полудрёме.

– Кирилл, мне как-то не по себе, – продолжал твердить девичий голос. – Можно к тебе, я не помешаю.

– Ладно.

И тут сон как рукой сняло, я почувствовал, как к моей спине прикоснулась девичья грудь, хоть и в одежде, но всё же, прикосновения её ног к моим, тёплое дыхание на затылке, проникающие электрическим разрядом прямо в мозг. Я боялся шелохнуться, возбуждение нарастало, низменные мысли сводили с ума. Дождавшись, когда Олесено дыхание выровнялось, и она заснула, я перевернулся на другой бок и оказался с ней лицом к лицу. Ошеломляющий аромат её тела и близость губ вывели мои фантазии на новый уровень, животные инстинкты поглощали разум. Аккуратно и кротко под покрывалом положил свою ладонь ей на бедро – это не забываемо! Стал слегка поглаживать, не находя в себе сил, чтобы остановиться. Олеся зашевелилась во сне и перевернулась ко мне спиной, сжавшись слегка калачиком, прикоснувшись собой ко мне. «Боже, что мне делать?»: я так громко подумал, что чуть не сказал это вслух. Я не мог этого вы-

носить, пылал. Не знаю, сколько так ещё промучился, но всё же уснул.

ГЛАВА 2. ДЕНЬ ВТОРОЙ «ДО»

Где проходит грань между сном и бодрствованием, между миром грёз, и явью? Как отследить момент перехода своего «я» по другую сторону собственного разума? Линия стёрта, размыта, неуловима. В какой-то момент ты оказываешься в пучине фантазий, воспоминаний, проваливаешься в кроличью нору. К чему эти размышления сегодня, сейчас в данный момент и секунду? Я не понимал, по какую сторону зеркала нахожусь. По ту, где законы физики не зыблемы или ту где логика лишь помеха восприятия.

Многочисленные, неразборчивые звуки, трудно различимые со всех сторон стали доноситься моему уху. Каждый раз непродолжительным эхом заканчивалась какофония. Начинаясь издалека, чистые, как глоток свежего воздуха, светлые, как луч в непроглядной тьме, незатухающие, как надежда в пасти безумия, не имея преград в виде стен моей квартиры, они продолжали окружать. Мне не было страшно, хотя природа этих звуков не ясна. А что может быть страшней неизвестности, неопределённости? Потихоньку, прислушиваясь, симфония ночи начала приобретать образ, еле заметные черты, словно силуэт одинокого путника, продравшегося сквозь пелену тяжёлого тумана. Это были голоса. Протяжные в тон друг-другу, они не говорили – они пели. Сколько

прошло времени с тех самых пор, как я впервые услышал звуки, сказать трудно. За это время, они не стали сильнее или громче, но определённо стали ближе, до тех самых пор, пока я не стал различать некоторые слова. Это была песня, траурная, больше похожая на заупокойную мессу. Реквием по тому, кого больше не увидят, душе, которая не вернётся в земные чертоги. Чувство утраты, горечь потери наводнили меня, проникли в самую глубину. Передо мной замелькали лица тех, кто любил меня, воспоминания о них, как голос далёкой звезды, уже погибшей, но свет которой, продолжает сиять за тысячи световых лет, оставляя свой бессмертный след на небесной тверди. Воспоминания об отце и матери. Всё хорошее и плохое, смешавшееся в едином ярком порыве, кинолентой длинной в мою небольшую жизнь, представилось перед моим взором. Слезы из уголков глаз, хлынули по щекам. Эти люди были не просто родители, семья, близкие. Они те немногие, кто смог понять мою душу, достучаться до моих небес, полюбить таким, какой я есть. А потому память о них будет жить во мне, пока горит свеча, пока тлеет огарок. Но песня, что взбудоражила ум, незаметно для меня самого, затихла, оставаясь далеко на фоне. Только тогда осознал, что нахожусь в полной темноте ночи. Нет, не так. Я прибывал не в ночи, а во тьме. Мертвенной тьме. Я бывал здесь не единожды. Место, где на расстоянии вытянутой руки не видно ладони. Здесь нет привычного человеку света, не ощущается дуновение ветра. Теперь с уверенностью мож-

но сказать, что я сплю. Этот мир в моём подсознании и снах обычно пребывал в тех же декорациях что и реальный, но только без единого намёка на жизнь. Всё находилось на своих местах, только лишённое человеческого следа, его естественного присутствия. Но в этот раз всё казалось бесформенным, будто выдернут из осязаемого пространства, где на тысячи лиг ничего, пустота царства мёртвых, заключённая в цепкие объятия леди смерти.

Я услышал чей-то голос поблизости. Он что-то говорил, и стремительно приближался. Мне становилось не по себе. Это чувство усилилось, когда я уловил неподалёку присутствие. «Незнакомец» остановился и вздохнул. Его было не видно, зато отчетливо слышно.

– Кирилл, – обратился он ко мне. – Ты знаешь что-нибудь об усталости? Не отвечай, знаю, что знаешь, но ты знаешь об этом гораздо меньше, чем знаю я.

– Кто ты?

– Ты снова меня не помнишь. Не думал, что скажу это, но я тебе завидую.

«Незнакомец» сделал паузу, затем продолжил:

– Ты слышишь эту песню? Она зовёт, манит. Напомни, в который раз мы её с тобой слушаем? Ах, ну да ты же забыл.

«Неизвестный», ведя разговор, ходил вокруг меня.

– Я устал это повторять, но не буду отходить от традиций.

Приближаясь, «Незнакомец» снова заговорил:

– Скоро наступит самый важный день в моей жизни!

Последняя фраза пробежала в моей голове, я повторил её мысленно. Она точно мне знакома. И сам того нехотя, я вскрикнул. Мой голос прорезался пронзительным воплем, меня дёрнуло и с гулом на огромной скорости потащило вверх. Я начал задыхаться, а звук усиливался, разрывая перепонки. Мои глаза распахнулись, и я с рёвом выпрыгнул с кресла, на котором спал и рухнул на пол. Лёжа на полу и вглядываясь в темноту комнаты, ещё несколько секунд стоял и бормотал. При всём при этом, весь мокрый в холодном поту, будто облитый из ведра водой. Меня остановил испуганный вид Олеси, которая наблюдала эту картину стоя у окна. В трясущихся руках она держала одеяло, должно быть схватив по инерции. Я услышал, как Олеся зашмыгала носом, потом начала всхлипывать и зарыдала. Представляю, как это выглядело со стороны. Мне нужно встать и успокоить её. Но попытавшись это сделать, меня пошатнуло в сторону, а в глазах потемнело. Закрыв их ладонями, я решил немного постоять, пока шальное зрение не пришло в норму.

– Прости что напугал. Мне приснился дурной сон.

Медленно подходя к девушке, я попытался взять её руку, но она резко дёрнулась.

– Эй, эй, успокойся, это был всё лишь кошмар. Обычно со мной такого не бывает. – Я снова попытался взять её руку и на этот раз удалось.

Свет фар от проезжающей по трассе машины блеснул, осветив комнату. Её лицо стало отчётливо видно хоть и на

мгновение. Слёзы по капле стекали по щекам, скатываясь к подбородку, падали вниз. Тушь и нарисованные макияжные стрелки, под воздействием влаги окончательно растеклись, оставляя чёрные разводы у краёв глаз и под нижним веком. Её лицо до этого момента румяное, теперь стало заметно краснее, а губы тряслись наравне с остальным телом. Остекленевший взгляд начал оживать, девушка бросила одеяло и кинулась ко мне, крепко сжимая руками.

– Я так испугалась. – Хлюпая носом, произнесла громко Олеся и ещё сильнее заплакала.

Я не ожидал такой реакции, но странным образом не замешкался, а напротив, интуитивно мои руки сошлись за её спиной, крепко обняв.

– Знаю, знаю, я не хотел.

Это не оправдание, но искреннее сожаление. Она приходилась мне не кем, мы были едва знакомы, но уже сейчас я чувствовал, что не хочу её расстраивать и видеть слёзы, если только это, не слёзы радости. Мы стояли в объятиях друг друга, Олеся никак не могла успокоиться. Я не знал, что ещё сказать, а потому молча вглядывался в декорации ночного города, которые бедно освещались фонарями. Ноябрьский дождь редко забарабанил по стеклу. Ну вот, даже небеса сегодня плачут.

В следующий момент мы уже сидели на диване, и я в подробностях рассказывал свой сон. Он оказался настолько натурален, что хорошо отпечатался в памяти. Все ощущения,

каждая деталь и слова того «Незнакомца».

– И тут он говорит...

– Скоро наступит самый важный день в моей жизни!

– Откуда ты это знаешь? – Я удивленно смотрел на Олесю.

– Ты во сне говорил. Я проснулась от того что ты сильно ворочаешься. Глянула на часы, время десять минут четвёртого, решила лечь к тебе лицом, потому что спина была вся мокрая. Но тут ты начал бормотать и дёргаться. Потом сказал эту фразу и с криком выпрыгнул с кресла.

– Наделал я шума.

– Мне как-то не по себе после всего этого. Эти слова и время...

Я прервал Олесю:

– А время тут при чём?

– Мне бабушка говорила, что три часа ночи – это время обратное трём часам дня, то есть времени, когда был распят Иисус. Так же, это время считается самым благочестивым. А три часа ночи наоборот, разгулом нечистой силы, попытками дьявола насмеяться над святой Троицей. Поэтому активность демонов в это время самая сильная.

– Олесь! – Моё лицо наполнилось скепсисом. – Я не сомневаюсь в мудрости твоей бабушки, но это лишь поверье. До подлинно не известно существовал ли Иисус, вообще. Я, конечно, не буду утверждать обратного, но не удивлюсь, если он является просто персонажем фэнтенези книжки того времени. Все случившееся это просто совпадение, следствие

стресса, полученного в ходе последних событий.

– Но бабушка говорит...

Я снова перебил Олеся:

– Тебе надо перестать забивать голову всякой ерундой. Ты любишь ужастики?

– Да.

– И ужастики поменьше смотреть, а то ты слишком впечатлительная. Вон, я тебя умудрился напугать похлеще всяких демонов, и даже текст какой зачехлил. Такой ещё придумать надо, – я попытался разредить обстановку и видя, что девчонка начала немного улыбаться, продолжил. – А с кресла как сиганул, да мне с таким прыжком, только на олимпиаде выступать.

– Ты главное, руки вперёд вытянул, пролетел по залу и растянулся на полу, только гузно кверху торчало.

– Гузно? Что это за слово такое?

– Ну попа в смысле, у меня бабушка так всегда говорит.

Тут мы притихли, оба расплылись в улыбке и сильно рассмеялись. Обстановка разряжена, вот только кто её разрядил, теперь сказать трудно. Я дал Олеся другую футболку, та насквозь промокла, и мы снова улеглись спать, только теперь на диван и с включённым телевизором. Уложить её одну, после всего случившегося, точно бы не получилось. Да и я, со всем своим скепсисом, как бы не хорохорился, что в то не верю, а это всё чушь, один уснуть вряд ли бы смог. Ведь послевкусие от кошмара, оказалось настолько явным, что в

дальних уголках зала, ещё чудилось еле ощутимое присутствие человека из сна, если конечно, это был человек.

Ночь, наконец закончилась, и хоть за окном ещё темно, утро вступило в свои законные владения. Произошедшее несколько часов назад, всё же оставило свой след, но теперь уже не такой явный. Мне не хотелось об этом думать и акцентировать внимание, а потому ночной инцидент на некоторое время остался там, где ему и положено – в прошлом. Сейчас, когда стрелка часов чуть лишь перевали за шесть, а сон окончательно покинул меня, я стоял на кухне и смотрел в нечёткое отражение в окне. В нём виднелся человек, маленького роста, с ещё более маленьким весом в небольшие сорок семь килограмм. Худощавый, всю сухостойкость которого, хорошо подчёркивали сильно выступающие ребра. Я никогда не был Аполлоном, зато был сыном своего отца, его точная копия в этом возрасте. Сфокусировав зрение за отражение, я поглядел на улицу, где всё ещё шёл дождь. Он не стал идти быстрее, но и не замедлил свой ход, а также монотонно, тихим сапом продолжал накрапывать, задавая настроение всему оставшемуся дню.

Я подлил воды в чайник, снял свисток, чтобы ненароком не разбудить Олесю и поставил греться. И хотя мой организм уже перешёл в фазу бодрствования, кофейку попить всё же стоило. Ведь чувствовал, я себя под стать погоде: уныло, устало и разбито. Усевшись за стол, меня мысленно начало возвращать во вчерашний день, а конкретно, к виновнице

последних событий. Я перестал думать о бабе Клавде в тот самый момент, когда захлопнулась входная дверь, и мы с Олесей остались один на один. Её смерть стала полной неожиданностью, даже с учётом того, что старушке было восемьдесят лет. Складывалось стойкое ощущение, что всё неправильно, всё пошло не по плану, будто она не должна была умирать сейчас. Конечно я понимал, это всего лишь неприятие, стадия отрицая, мне не хотелось мириться с происходящим. Но наравне с этим оставались вопросы, требовавшие ответов и получить, которые в данный момент не представлялось возможным. Далее мне вспомнились наши с бабой Клавой посиделки и чаепития, разговоры не о чём и редкие праздники, которые мы встречали вместе. Её интересные истории из жизни: иногда забавные, иногда поучительные и совсем редко трагические. Я сильно прикипел к ней, она стала мне как родная бабушка, хоть и не по крови. И вот теперь её тоже не стало. Если подумать, я нуждался в ней больше, чем она во мне, и от этого становилось ещё тоскливее.

Из раздумий меня выдернул закипевший чайник, крышка под давлением пара подскакивала и гремела на всю кухню. Я навёл кофе, как всегда с одной ложкой сахара, кинул ломтик лимона, выключил свет и пошёл обратно. В зале, в свете плазменного телевизора, мирно посапывала Олеся. Она полностью закуталась в одеяло, из-под него торчали только часть головы и левая, а может правая, разобрать трудно, нога. Будить её сейчас нет смысла. До семи часов ещё сорок

минут, именно это время я обозначил для подъёма. И пусть это не так много, но утром, знаю по собственному опыту, даже лишние пять минут, становились важнее завтрака. Я сел на пол, взял пульт от ресивера и начал щёлкать каналы. Забавная штука, у меня их более двухсот, но всегда не знал, что посмотреть. Отхлебнув из бокала я почуял, как аромат сменился на какой-то странный запах, а точнее вонь. Принюхавшись, достаточно быстро вычислил источник, перебивающий даже кофе. Это я сам. Мне на ум сразу пришёл недавний случай, когда после смены, не переодевшись и даже не скинув вещи, запёрся к бабе Клавье: удручённый, замученный и злой как сто собак, пожаловаться и заодно померять ей давление. В те сутки, я как лошадь, загнанная в мыле, носился по городу и ставил людям диагнозы, точность которых, варьировалась от восьмидесяти до девяносто пяти процентов. И лишь один диагноз был поставлен со сто процентной уверенностью и точностью и поставлен он был мне, бабой Клавой. Это диагноз: «От тебя воняет как от коня, Кирилл». Она сказала это не для издёвки и насмешки, но таким тоном и с выражением лица, что я смеялся десять минут, особенно когда представил, что добрую половину ночи ходил на станции и вонял. В итоге это подняло мне настроение на весь день. Вернувшись к реальности, я поймал себя на том что, вспомнив этот случай невольно улыбнулся. Нужно привести себя в форму, ведь сегодня я провожаю старушку в её последний путь.

Ополоснувшись и переодевшись, я вернулся в зал. Глянул на часы телефона, время подходящее, пора будить девчонку.

– Олесь, Олесь, – произнёс я шёпотом, тихонько толкая, но не дождавшись отклика продолжил, только теперь сильнее и громче. – Олесь, Олесь, проснись, – абонент временно не доступен, у девушки на удивление глубокий сон. – Олесь, пора вставать. – Я так повысил тон, что уже кричал.

Глаза девчонки едва приоткрылись и через узенькую щёлочку посмотрели на меня.

– Доброе утро. – Произнёс я, насколько, конечно это утро могло быть добрым.

– О боже мой, как же хочется спать. – Промямлила девушка.

– Я понимаю, но пора.

Олеся скинула одеяло на ноги и приподнялась. От подушки, на которой она лежала потянулась тонкая, едва заметная слюна. Она начиналась у нижней губы, а заканчивалась небольшим пятном на наволочке. От виска, спускаясь по щеке и до нижней челюсти отпечаталась хорошо заметная вмятина. А на голове, как и положено, вытекающая из данной ситуации, причёска. Это настоящий взрыв на макаронной фабрике, тихий ужас прохожих с растрёпанными во все стороны волосами и торчащими то тут, то там, так называемыми петухами. Олеся вытерла тыльной стороной ладони слюну.

– Сколько время? – Её голос звучал слегка с хрипотцой.

– Время Нескафе.

– Блин, Кирилл я серьёзно.

– Если серьёзно, то начало восьмого.

– Так рано?

Глаза моей гостьи окончательно разлепились, но она всё равно продолжала клевать носом. Я слегка согнул левую ногу, опустил корпус, вытянул руку, указывая на неё произнёс:

– Прекрасно выглядишь.

Олеся, прищутив глаза и уловив мой сарказм, состряпав лицо для ответной реакции, выдала:

– Ты приколист, прям Петросян в свои лучшие годы.

Я засмеялся.

– Да ладно, шучу. А если честно ты выглядишь очень мило. Так. Поднимайся, раскачивайся, купайся, наводи красоту, в общем, делай всё что нужно. А я пока сварганю какой ни будь завтрак.

Олеся что-то протонав, снова бухнулась на кровать. Я развернулся и начал выходить из зала.

– И чуть не забыл, купаться пойдёшь, твоё полотенце лежит на стиральной машинке, я уже всё приготовил, так что вперёд и с песней.

– Я понялааа. – Громко затинула Олеся, лёжа лицом в подушку.

Только я вышел из зала и направился на кухню как услышал.

– Кирилл?

Я выглянул из-за двери.

– Что?

– Спасибо тебе.

Я широко улыбнулся.

– Не за что. – И снова направился на кухню, как сказал раннее варганить завтрак.

Конечно, изысканных блюд в виде жареных куропаток в собственном соку с ананасами и кофе свежего помола, на завтрак я подать не мог. Тем не менее, старая добрая яичница с сосисками, растворимый кофе с молоком и на десерт йогурт – всегда, пожалуйста. Олеся, с виду хрупкая девушка, словно хрустальный лебедь, изящная, утончённая, того и гляди, прикоснись – рассыпится прямо в руках, на удивление быстро и бойко расправилась с завтраком. Подозреваю даже, отдай я ей свою порцию, она прикончила и её. Аппетит у неё хороший, оно и не удивительно, должно быть, девчонка нормально не ела со вчерашнего утра. Я тоже оказался молодцом, нет чтобы покормить гостью с вечера, напоил пустым чаем и уложил спать.

– Кирилл, ты просто кудесник. Спасибо за завтрак, очень вкусно.

Я, заталкивая в рот сосиску махнул рукой.

– Хорош тебе. Как будто много мозгов надо, яичницу пожарить и кофе налить.

– Куда посуду?

– Поставь в раковину, я сейчас доем и помою.

– Ну нет, я сама помою. Должна же я хоть как-то тебя

отблагодарить. Ты меня приютил, накормил, спать уложил. Мне как-то не удобно перед тобой.

Я сразу парировал:

– Во-первых, неудобно трусы через голову надевать. А во-вторых, твоей очаровательной улыбки и простого спасибо, вполне достаточно.

Интересно то, что с Олесей мы знакомы меньше суток, но уже сейчас, мне с ней очень легко и непринуждённо. Учитывая, что это нелюдимый я, человек не имеющий друзей. То ли это чистая магия и волшебство, то ли Олесена харизма и обаяние. Девушка, услышав про трусы через голову, хихикнула и нечаянно хрюкнула, быстро закрыв рот ладонями. Теперь уже не хихикал, а смеялся я, а она, раскрасневшись, как Сеньор Помидор из одноимённого мультика, еле сдерживала смех.

– Ладно, – сказала Олеся. – Тогда сделаем вот так, – она подошла ко мне наклонилась и поцеловала в щеку. – Спасибо!

Ошарашенный таким действием, я сидел, немного приоткрыв рот. Тем временем, девчонка увела у меня из-под носа пустую тарелку.

– Посуду, я всё же помою.

Тут я понял, как меня грамотно обставили.

– Ну ты и хитрюга, значит пока я тут рот раззявил, ты у меня тарелку подрезала и делаешь всё по-своему.

– Ну, сработало же? – Довольно ответила девушка. – А по-

другому, ты бы мне не разрешил, тебе помочь.

– Что ж, отличная многоходовочка. Снимаю шляпу.

– Мерси. – Олеся, стоя спиной и намывая посуду, сделала маленький реверанс.

– Ну раз ты решила, немного похозяйничать, то я разрешаю тебе и кровать с креслом убрать, а сам пойду поищу одежду попримитивней.

– Эй, это не честно.

Уже на полпути в спальню и специально сделав вид, что не услышал последнего, выкрикнул:

– Я тебе так признателен, ты такая хозяйственная.

В ответ из кухни донеслось:

– Ну и кто из нас ещё хитрец.

Вымудриться я не стал, да и не из чего. Просто достал чистые джинсы, и тёмно-синюю рубашку. И только успел одеться, как в дверь постучали и тут же позвонили. На пороге стоял Илья Петрович.

– О! Вы уже готовы? – Казалось, его голос ещё сильнее осип, а вот что точно не казалось, это исходивший от него, сильный запах сигарет. – А я будить вас пришёл, а вы уже одеты. Молодцы.

Я протянул ему руку.

– Здравствуйте.

Илья Петрович, ответил крепким рукопожатием.

– Здорова Кирилл.

– Заходите, что в подъезде стоять.

Он переступил через порог и зашёл в коридор.

– Ну? Как вы тут? Как Леська?

– Да только позавтракали, кровать убирает.

– Правильно. Ты её напрягай не стесняйся.

– Да ну что ж я буду её гонять, она всё-таки гость в моём доме.

Из зала послышался голос Олеси:

– Крёстный не слушай его, он врёт. Он меня ещё и посуду заставил мыть.

– И правильно сделал. – Девушке прилетел ответ.

Илья Петрович кинул оценивающий взгляд, который я сразу уловил.

– Да вы проходите, хоть посмотрите, как я живу и где крестница ночь провела.

Справа у входа в квартиру, стояла тумба с обувью, а за ней шкафчики с верхней одеждой. Слева, двойные коричневые межкомнатные двери в зал, со стеклянными узорчатыми вставками. Далее, коридор от входной двери вёл если налево, то к кухне с выходом на застекленную лоджию, что особенно приятно зимой, а направо в спальню. По прямой располагались туалет с бойлером, что особенно приятно летом, когда отключают горячую воду, и рядом ванная. Мужчина из коридора наклонился и заглянул в зал. Где по правую сторону у стены находился угловой диван, его то и заправляла Олеся. Далее складное кресло. У другой стены, во всю длину гарнитур. И в самом дальнем углу, маленький компьютерный

стол, со всеми принадлежностями, вытекающими из названия. Наверху, глянцевый натяжной потолок в котором хорошо отражался весь зал.

– Не дурно. Наверно не плохо получаешь?

– Пф. Да куда там. Пятнашку я получаю. Всё это сделано не на мою нищенскую зарплату. Дом родительский продал, вот и обставил хату и ремонт забабахал.

– Ясно, – вздохнул Илья Петрович. – Что у нас по времени?

Он глянул на часы. Я приятно удивился, ведь это был не ширпотреб с радиорынка. Это были часы Casio, и явно не самая дешёвая их разновидность, они хорошо дополняли его строгий дорогой вид.

– Может, нужно чем-то помочь? – Спросил я.

– Да вообще-то нет. Сейчас только восемь, читалки придут к десяти. К этому времени подойдёте с Леськой. Всё как положено, отпоём, а к одиннадцати, выносить будем к подъезду. Соседям уже сказали.

– На каком кладбище хоронить будете?

– К себе повезём, на родину. Там все наши лежат. Там и похороним.

– Далековато будет, не находите?

– Да хватит тебе, всего сорок километров. Час езды на автобусе.

Этого ответа я никак не ожидал услышать, ведь по заверениям самой Клавдии Семёновны, её семья жила далеко-да-

леко за высокой горой, чуть ли не в Небыляндии. И снова, ощущение неправильности происходящего, накатило на меня. Как будто, кто-то врал и делал это целенаправленно. Выбор не велик: либо Клавдия Семёновна, либо её семейка.

– Вы то, как ночь провели?

У моего собеседника наблюдался вид не первой свежести, об этом говорили, слегка помятая одежда и отеки под глазами. Он явно, не спал всю ночь.

– В целом, не так плохо, но бывало и лучше.

Илья Петрович развернулся и вышел в подъезд.

– Из головы совсем вылетело, – мужчина зашёл обратно. – Лесь, мама просила подойти, она о чем-то поговорить хочет, а заодно и штукатурку свою возмёшь.

– Это называется косметика! – Буркнула девчонка. – Ладно, скажи ей сейчас подойду.

Дверь за моим гостем захлопнулась, и вроде ничего не произошло, но после разговора у меня остался неприятный осадок, в виде сомнений.

Теперь я сидел на диване, уставившись в пол. Олеся находилась прямо за мной. Она, положив подушку, расположившись позади меня, искала музыкальные каналы и что-то комментировала. Но даже её мягкий, девичий голосок, так приятный моему слуху, сейчас оставался где-то вдалеке. Я же, погружившись, в тёмные воды последних событий, пытался разобраться в происходящем, разглядеть хоть какое-то подобие правды в мутной воде. А для этого, нужно нырнуть

по глубже. И первое – это справка из морга и свидетельство о смерти, теперь уже датированные позавчерашним числом. В их подлинности, я бы не сомневался, если не одно Но! Вчера утром, старушка пребывала в добром здравии. Если бы мне кто-то сказал, другое дело, но я видел её собственными глазами, прикасался своими руками, говорил, не чужими словами. Всё как на духу. Списать на правдоподобный сон. Нет. Я не сошёл с ума, это доказывает недавний медицинский осмотр и к тому же я привык доверять увиденному. Слишком много совпадений, для одного маленького утра. Кружка с чаем, слова бабы Клавы о приезде родственников и даже, если подумать одежда, в которой она встречала меня утром, та же в которой её хоронят. Откуда я мог знать имя внучки, ведь до вчерашнего утра, даже не подозревал о её существовании. От туда, что она сама назвала его. И почему баба Клава уверяла меня в том, что не общается со своей семьёй и что живут они, невесть где, чуть ли не за большой лужей. Олеся, ведь сама сказала, что знает меня из рассказов Клавдии Семёновны. За этим всем, определённо, тянулся шлейф вранья. Оставалось понять, кто хозяин лживого кордебалета, а кто лишь невольный зритель, запутанного водевиля. Клавдия Семёновна? Её семейка? А может все? Всё покрывалось толстой коркой обмана, отколупывать которую нужно аккуратно. Послезавтра, как раз моя смена, значит, кто ни будь из моих коллег, обязательно должен знать об этом случае.

Тут я почувствовал, кто-то дёргает меня за руку и переби-

вает столь важные думы. Это, конечно же, оказалась Олеся.

– Кирилл, Кирилл. Ты чего?

Я посмотрел на девчонку.

– Что? Ты что-то говорила?

– Ну вообще-то я с тобой разговаривала несколько минут, пока не поняла, что ты меня не слушаешь. А потом наклонилась посмотреть, чем ты так занят.

– Извини, я просто немного задумался о грядущей смене. – Улыбнувшись, ответил я.

Олеся поглядела на меня и продолжила:

– Я что говорила. У тебя так много каналов музыкальных. Я насчитала больше двадцати.

– Я их, всё равно, не включаю.

– Почему?

– Музыка мне не подходит. Попсу я не люблю, а там только её и крутят.

– А мне главное, чтобы песня была хорошая. А попса это, рок или рэп, без разницы.

– Ты не забыла, тебя мама просила подойти? – Перевёл я тему.

– Точно. Спасибо что напомнил.

Олеся вскочила, отдала мне пульт и быстрым шагом направилась к двери.

– Не закрывайся, я сейчас вернусь.

И на этих словах она вышла из квартиры. Я остался сидеть на том же месте, не шелохнувшись. Теперь упорядочив в го-

лове полученную информацию за последние дни, искренне надеялся, что Олеся не причастна к паутине лжи, сотканной вокруг меня.

Как донести то, чего не можешь выразить? Эмоциями, словами, а может жестами? А если, всего этого недостаточно? Остаётся только молчать, заперев внутри себя, нарастающую бурю. Я так и поступил, начиная с того момента как мы зашли в квартиру бабы Клавы. Обстановка здесь изменилась. Не смотря на то, что за сутки квартиру посетило, больше народу, чем за последние сорок лет, это место стало безлюдным. Приветливый, одушевлённый антураж, поменялся на леденящий покой, облицованный в серые тона на осиротевших стенах, и напоминало выцветшую от времени фотографию. Несколько маленьких ковров перекочевав с пола, свёрнутые привалились друг к другу у стены. Зеркало в коридоре и добрая половина советского гарнитура, были завешаны белыми простынями. Такой же процедуре подвергся и старенький телевизор. На столе, в дальнем конце зала коптила зажжённая свеча, воткнутая в граненный стакан, наполненный пшеном. Рядом, втиснутая явно не по размеру рамку, стояла чёрно-белая фотография. На ней, обворожительная, наполненная энергией, присущей только молодости, с очаровательной и слегка загадочной, но точно искренней улыбкой, изображена девушка с заплетёнными на верхушке головы, косичками. Она смотрела немного вверх, куда-то далеко за кадр, ещё полная надежд, уверенная в исполнение всех сво-

их желаний, со стойкой верой в то, что жизнь не может разочаровать. И лишь немногие черты лица, которые с каждым годом, начнут заостряться выдавали в юной особе, Клавдию Семёновну. Этого фото я раньше не видел и, если быть честным, никаких других фотографий тоже. Старушка их не показывала, а если со всем на чистоту, то я и не спрашивал. Всё же не понятно, зачем выставлять фото, на котором Семёновне, от сил лет двадцать, может двадцать два, примерно, как Олеся. Никогда не поверю, что не нашлось другого, где она хоть не в преклонном, но хотя бы запечатлена в зрелом возрасте. Олеся так же смотревшая на рамку, повернулась ко мне. Без слов я понял, что подумала она о том же, это хорошо читалось на её лице, но озвучить свою мысль не успела.

К нам подошёл один из незнакомых мне родственников и молча вручил зажжённые свечи, обмотанные на конце салфетками, наверно для того что бы капающий воск, не обжигал руки. Я молча кивнул и взял свечи, одну передал Олеся, а другую оставил себе. И только тогда обратил внимание, никто не разговаривает и не перешёптывается. Гробовое молчание. Однако каждый знал, что делать, куда встать, где взять и прочее. Но даже не это поражало. Не было суматохи, сумбура, беспорядочного хождения из стороны в сторону, всхлипываний и истошных завываний. Ничей нервный смех не переходил в нарастающий рёв с причитаниями «На кого ты нас оставила», никто не закуривал сигарету, судорожно потирая ладони, не отводил взгляда и не вытирал слё-

зы у краёв глаз. И уж тем более, никому не нужно вызывать скорую, а до её приезда, отпаивать корвалолом. Нет. Ничего такого. Это больше походило на пьесу, на очередную постановку, хорошо выверенную и грамотно отрепетированную с картонными декорациями, а гроб с хозяйкой квартиры, лишь мастерски выполненная бутафория, в натуральную величину. А именно сейчас, шла подготовка перед последним актом, эдакая кульминация, да вот только актёры отыгрывали из рук вон плохо. Гнетущая маска лица, такая же, как и вчера и не эмоции больше. Наверно вместо еженедельного воскресного ужина, эта семья много лет собиралась на очередные похороны какого ни будь родственника. И это настолько приелось, что стало частью досуга выходного дня, словно Ирония Судьбы или Кавказская Пленница, которые из года в год повторялись на новогодние праздники.

Подготовка закончилась, все встали на свои места. Лишь Нина, сестра покойной, сидела на табуретке, почти у изголовья. Из последнего разговора с Семёновной, если такой вообще имел место быть, я узнал, что её сестре семьдесят восемь лет. Она на два года младше, но на деле выглядела на десять лет старше. Нет не старше, а скорей старее. Худая, с впалыми глазами, щеками и ртом. Руки хворостинки со свисающим, чрезмерным количеством лишней кожи. Должно быть, последние годы, может месяцы она сильно сдала, выглядела как человек вылезший из центрифуги или выжатый лимон. Рядом с ней стояла дочь и по совместительству мама Олеси.

И тут контраст сильно менялся. Высокая, стройная женщина, не выглядела не старо, не молодо, но зрело. Не худая и не толстая, но зрелая. Женщина в самом соку – созревшая. Как сказал бы сейчас водитель с моей работы «Глянь какая рыжая чертовка Кирюх, явно все при ней». Обычно, я не обращаю внимание на такие заявления, потому что он комментирует каждую вторую юбку, а я на автомате поддакиваю или киваю. Но на это раз попал бы в точку, в яблочко, оказался бы чертовски прав. Всё при ней. Начиная с пышных, волнистых, рыжих волос и заканчивая длинными ногами и округлыми в нужных местах формами. А всё вместе создавало золотое сочетание, ничего лишнего, очень эффектная женщина.

Рядом с нами, стоял отец Олеся и вот он, не создавал эффектного впечатления. Низковатый, круглолицый, одутловатый, пухловатый с проступающей залысиной, слегка отекавший. Брюхо в виде пивного живота или мамона на кривоватых коротеньких ножках. Обрубки, всплыло в голове. Я даже знаю, что сказал бы, всё тот же водитель со скорой «Ха, Глянь Кирюх на мужика. Прямо Форт-Боярд» и снова оказался бы прав. И как ему удалось заарканить такую женщину? Везение, удача или фартануло, так фартануло, а может любовь, и сердцу не прикажешь. Не мне, в общем то судить о таких вещах. И всё же вместе, где-то на людях, в магазине или на отдыхе, смотреться они будут, нелепо.

Напротив нас, стоял Илья Петрович, человек как мне ка-

жется, всех дел рук мастер. Именно он, я уверен и хлопотал по всем вопросам и на его плечах достаток всей семьи, выраженный конкретно сейчас в дорогой одежде. А вот последние два персонажа мне не знакомы, они выбивались из общей картины. Не знаю почему и как объяснить. Держались особняком, особенно отрешённо, отсутствовала даже пресловутая гнетущая маска лица. Может они-то и есть дальние родственники и прибыли откуда-то издалека. Хотя больше походило на то, что их взяли с собой для количества, что-то вроде массовки или обслуживающего персонала.

– Можно. – Раздался голос Ильи Петровича.

Я не сразу понял, кому адресована команда, пока не услышал голос читалок. Они стояли около того же стола со свечой и фотографией молодой Семёновны. В роли читалок выступили две бабульки и обеих, я уже видел в нашем дворе. В основном вечером, у первого подъезда в окружении других таких же старушек. Они представляли негласный соседский дозор, потому что знали всё и даже больше и постоянно это самое всё, обсуждали. Кто въезжает или уезжает, за сколько продал недвижимость, кому и за какую сумму. У кого новая жена или невеста, почему теперь он ходит один, ведь они были такая хорошая пара и вместе смотрелись. Какого цвета положил плитку в ванной сосед и с каким заболеванием, недель позже, его направили в Саратов. Они так же прекрасно осведомлены, где я работаю и какую зарплату получаю. Откуда? Мир тесен. Но ещё теснее Балашов. И тако-

го рода информация, просачивалась через четвёртых общих знакомых или родственников. Насколько она точна, верна и проверена, неважно, это не главное. Главное, что это давало лишний повод собраться вместе и посудачить вечером у подъезда. Несмотря на это, свою работу читалки выполняли, делали качественно и добросовестно. Громко, звонко, каждое слово не превращалось в кашу из шипения и слюней, а четко отдавалось по залу, хорошо различимо и понятно. Читали они с толщенных книг, с заранее приготовленными повсюду закладками.

Я посмотрел на Илью Петровича. Он мне что-то маяковал глазами, указывая рядом со мной. В послании говорилось: «Глянь на Олесю» и я глянул. Её личико, в реальном времени с телесного цвета менялось на белое, становясь всё бледней и бледней. Глаза как битое стекло, упулились в одну точку, не имея чёткого фокуса, теряя контакт с реальностью. Олесья сжала мне пальцы, и я почувствовал, что сейчас она рухнет, в лучшем случае назад, а в худшем полетит вперед. Но нет. Девчонка удержалась. Илья Петрович снова маякнул, только теперь движение его глаз говорило: «Отведи её на кухню. Скорей». Что я и сделал. Схватив девушку под руку, мы медленно ретировались из зала на кухню. Выходя, я увидел, как мама Олеси подалась за нами, но Илья Петрович остановил её движением как бы говоря: «Всё под контролем, ничего серьёзного, они сейчас вернутся» и та осталась на месте.

Усадив Олесю, я перевёл окно из положения закрыто, в положение форточки. У старушки, хоть и не большая пенсия, но на пластиковые окна деньги выкроила. На стареньком холодильнике «Саратов» всегда лежал пакет с лекарствами, бинтами, пластырями, шприцами, перчатками, там были и капельные системы, и катетеры для внутривенной катетеризации. Кое-что она купила сама, но подавляющее большинство, припер я. Не стоит уточнять откуда и так понятно. Но всё это разнообразие мне сейчас не требовалось, только нашатырь, который точно был, знаю, сам приносил. Это становилось похоже на поиск иголки в стоге сена, долбаный утраченный ковчег найти легче. Почему я паниковал? Работая на скорой, привык держать темп, особенно в условиях экстремальных ситуаций. Если проводить черту между случаями на работе и этим, то эта лёгкая прогулка под морским бризом. Но я паниковал, как практикант, студентик или стажёр. Откуда-то взялась неуёмная, внутренняя дрожь, проходящая по всему организму, отдававшаяся пульсацией в висок.

– Кирилл, мне уже лучше, – шёпотом отозвалась Олеся. – Не надо нечего, не ищи.

Я оставил пакет в покое и присел на корточки рядом с девушкой. Лицо ещё бледное, но взгляд ожил. Повернул запястье руки, проверил пульс. Он тарабанил, как отбойный молоток.

– Всё нормально, пойдем обратно. – Девчонка начала при-

подниматься, но я лёгким нажатием руки, усадил её обратно.

– Сядь. Обратно она собралась! – Строгача выдал я. – Хочешь воткнулся там?

– Нет.

– Я тоже думаю, нет. Рассказывай, что случилось?

И начал шариться в верхних шкафчиках над раковиной, в поисках корвалола. Дрожь, что интересно схлынула, так же легко, как и накатила.

– Что ты делаешь?

– Корвалол ищу.

– Не надо, пойдем обратно, со мной правда всё нормально. – Произнесла Олеся, как бы уговаривая.

– Нормально говоришь? А ты сама в это веришь? – Закралось молчание. – То то же. Рассказывай!

– Когда мы вошли, было всё в порядке. А потом стало душно. Ну душно и душно, подумаешь. Комната не большая, народу много. К тому моменту как ты дал мне свечу, стало уже не душно, а жарко, но при этом руки казались ледяными, а ноги, будто по щиколотку в воде. Потом не большая комната стала казаться крошечной, воздуха становилось меньше. Ещё эта вонь от свечей и тогда меня начало мутить. Сердце стало отбивать ритм в груди, а затем в ушах. Тут дурнота, вперемешку с возникшем страхом, настолько подкатила, что в глазах потемнело, а я начала проваливаться и схватила тебя за пальцы.

– Понятно, – ответил я, с уже подготовленным стаканом

воды и накапанным в столовую ложку корвалолом. – На-ка хлюбыстни. Нервишки у тебя шалят.

– Это серьезно?

– Не забивай голову, пей давай. – И протянул ей ложку. Олеся залпом опрокинула корвалол, подержала во рту. – Глотай. – Поморщилась, но проглотила, выхватив у меня стакан с водой, жадно осушив до конца.

– Может не пойдем в зал? – Теперь Олеся не рвалась обратно. – Тут посидим. А то я ...

– Можешь не продолжать. Я думаю ничего страшного, если мы тут подождём.

– Просто я... я всего один раз присутствовала на похоронах, когда умер дедушка. Мне тогда было восемь лет и многих подробностей я не вспомню, но только не в тот вечер. Помню, как мы ужинали все вместе, шёл летний июльский день. Родители пришли с работы, крёстный тогда ещё женатый, со своей половинкой, только вернулись с Югов. Они каждый год ездили на море и конечно привозили мне, что ни будь в подарок. И этот раз был не исключением. Крёстный привёз мне коричневого игрушечного медвежонка, с повязанным на шее шарфом. Он казался мне настолько забавным, что я придумала ему не менее забавное имя – Бублик. А бабушка, как всегда наготовила на целую капеллу разных вкусовностей. Все ели, смеялись, рассказывали анекдоты, истории, травили байки. Один из великолепных вечеров в кругу семьи. Тут дед говорит крёстному: «Пойдём поку-

рим». «Пап, только что курили» отвечает тот. Дед поднимается со стула и направляется на балкончик, мы ужинали тогда на втором этаже. Там было просторно и почему-то всегда прохладно. У нас в Романовке двухэтажный дом с большим участком. Бабушка в вдогонку деду говорит: «Петь хватит пыхтеть, пять минут назад курили». Но дедушка, никак не отреагировав на это, зашёл на балкон. Подкурил сигарету и в ту же секунду завалился назад. Он упал с высоты собственного роста, прямо на порожек между комнатой, где мы ели и балкончиком. Все замерли в немом молчании, ошарашенные происходящим. «Пап ты чего?» произнёс крёстный и все бросились к нему. Бабушка закричала на всю комнату: «Петька». А дед лежал, наполовину ввалившись в зал с откинутой вверх головой. Тогда мне казалось, его взгляд направлен в мою сторону. Теперь конечно я в этом не уверена. Его жизнь, навсегда потухла, как та сигарета, которую он так и не докурил в тот судьбоносный день. Но его умирающие глаза, пронзающие должно быть всю жизнь, с момента рождения и до самой собственной смерти, я запомню навсегда. Потом похороны, на которых было, так много народу и люди всё пребывали и пребывали. С тех самых пор, началась чертовщина. Как-то раз, мы играли с подружками у нас во дворе, хотя обычно делали это в доме, но после смерти деда, заходить туда лишний раз не хотелось, не мне, не подружкам. Но что-то нас дёрнуло пойти, то ли пить кто захотел, то ли в туалет, не знаю, да и не важно. Мы втроем зашли в дом.

И одна из подружек говорит, Юлька, точно Юлька: «Чуете, палёным пахнет?». Мы все переглянулись и стали принимать. И точно, пахло палёным, будто жги свечи. Мы углублялись внутрь дома, следуя за запахом, пока он не привёл нас к комнате, где спали бабушка с дедом. И нет бы сразу уйти, но мы остались. В этот момент, дверь перед нами распахнулась и резко закрылась. И снова сильный запах палёного. Естественно мы дали дёру, а рассказывать о случившемся, так никому и не решились. Я не очень переносю такие события, после всего этого, – Олеся на мгновение задумалась и вскоре продолжила. – Уверена, всё снова начнётся.

– Что начнётся? – Спросил я, но Олеся продолжила, игнорируя мой вопрос.

– Иногда, они возвращаются.

– Кто возвращается? – Я смотрел на девушку, и было похоже – она вспомнила что-то ещё, о чём когда-то смогла забыть.

– Кошмары, – тихо прошептала Олеся. – Кошмары.

К концу нашего диалога, Олесино личико приняло телесный цвет, с розоватыми щёчками. Глазам вернулся блеск и чёткий фокус. Лишь маленькие капельки слёз, придавали им немного красноты. Я забрал у Олеси ложку и стакан, которые она держала на протяжении всего рассказа и поставил в пустую раковину.

– Долго там ещё читалки отпевать будут, как думаешь? – Спросила девчонка.

Я хотел открыть рот, как в зале заголосили.

– Раз запели, скоро будут выносить.

– Откуда ты знаешь?

– Когда отца хоронили, мать тоже приглашала читалок. Я помню перед самым выносом гроба, они начали петь.

В коридоре хлопнула дверь, и Олеся дёрнулась. Я выглянул из кухни, это пришли работники похоронки. Они толклись в прихожей и ждали, когда закончат читалки. Молодые ребятки, возрастом где-то от двадцати пяти лет, зарабатывали тем что роют, носят, а потом закапывают покойников по всему городу и прилегающему району. В общем, проводят время на свежем воздухе и заводят множество интересных знакомств. Чёрный юмор. Но ребята оказались ушлые, по крайней мере, один пострел везде поспел. Тот, что выше и плотнее всех, с кабаньей мордой, коротко стриженный, почти лысенький, таких называют – коренастый. Стоял с самодовольной ухмылочкой, и подмигивал Олесе. Потом жестами пытался показать, насколько я понял, что бы та дала ему номерок, а он в свою очередь, вечером ей наберёт. Он перекидывал взгляд, то на меня, то на Олесю, потом опять на меня и продолжал ухмыляться. Типа плейбой или альфа самец, аля Ланселот – рыцарь круглого стола. И раз он стрельнул глазами, то скоро Олеся, сражённая его мужским началом, прыгнет к нему в койку и конечно раздвинет ноги. Но всё пошло не по сценарию. Олеся, посмотрев на этот спектакль, демонстративно отвернулась ко мне. На этом моменте, даже

сам не знаю почему, зубоскалить начал я, конечно же, в его адрес. Улыбку сдуло, но спеси не сбило. Знаю таких товарищей, его воля, да подходящий момент, расквасил бы мне всю морду. Но увы. Не время, не место для этого не благоволило.

– Кретин. – Прошипела Олеся сквозь зубы.

– Не обращай внимания.

Её переполняла злоба и отвращение вызванная могильщиком.

– Ты слышишь?

– Что?

– Читалки закончили петь.

– Мужики заходите. Можно выносить, – донёсся из зала голос Ильи Петровича. – У подъезда есть кто?

– Стоит уже народ. – Ответил один из работников похоронки.

– Значит вынесем к подъезду, соседи попрощаются и двинемся.

И они двинулись, а я стоял и провожал автобус до последнего, пока тот выезжая с улицы, окончательно не скрылся за поворотом. Соседи разбрелись по домам, растащив ногами выпавшие из гроба гвоздики, по улице. Ноябрьский дождь закончился, последняя капля поставила жирную точку в этой маленькой истории. Но где кончалась одна, началась другая, совершенно новая.

– Пойдём Кирилл?

– Да, – глухо ответил я. – Замёрзла?

– Есть немного.

– Пиво пьешь? Или скажем вино? – Резко спросил я.

– И то, и то пью. – Не мешкая ответила девушка.

– Славно. Значит возьмём и то, и то. Мне жутко хочется накатить, с самого утра поднывает. Пойдем, здесь магазинчик недалеко, буквально за углом.

– Пойдём. Тоже не откажусь выпить. – Одобрила идею Олеся, и мы вместе отправились в Бристоль.

Олесю не взяли провожать старушку в последний путь на кладбище. Вместо этого, оставили в Балашове с якобы важным поручением. Пройтись завтра по инстанциям и оплатить все долги по квартире Семёновны. И так как Олеся, несомненно, не духом, где производить данные платёжные операции, то формально это поручили мне, собственно, как и при просмотре одним, а лучше двумя глазами за девушкой. Так и сказали. «А Кирилл если что присмотрит за тобой одним глазком, а если сможет двумя». Эти слова были адресованы Олеся, мамой, которая подошла к нам, когда выносили гроб с хозяйкой квартиры. Она вошла на кухню посмотрела на дочь, но спросила меня:

– Кирилл, что с Олесей?

Я пояснил, как потом выяснилось Анастасии Петровне, что с её дочкой всё хорошо, просто перенервничала, такое бывает и корвалол ликвидировал последствия расстройства.

– Спасибо тебе. Я не успела представиться. Анастасия Петровна, мама Олеси.

– Очень приятно, думаю мне нет нужды представляться, вы и так знаете кто я. – И ведь знала, все как один, поголовно знали, кто я такой. Зато я, о них не знал ничего.

– Олесь, – обратилась она к дочке. – У меня к тебе поручение.

– Какое поручение? – Удивилась Олеся и её глаза, явно увеличились.

– Тебе нужно остаться в Балашове...

– Зачем мне оставаться в Балашове? – Не дав договорить матери, сразу возникла девчонка.

– Во-первых дослушай. Тебе нужно остаться на некоторое время присмотреть за...

– Нет, мам я здесь не останусь, тем более одна. – Начала пылить Олеся.

– Может, дашь мне договорить?

Конечно, это был риторический вопрос, на самом деле он означал «Сейчас я говорю, а ты молчишь».

– Ты останешься в Балашове и присмотришь за домом. Всего пару дней, не больше. Потом мы с отцом приедем и начнём улаживать дела с недвижимостью. За это время, тебе нужно сходить и оплатить все долги по квартире, квитанции лежат на стенке, деньги я оставила там же.

– Но я не знаю куда идти. – Олесино лицо источало лютное недовольство, вперемишку с нарастающим страхом.

– Кирилл тебе подскажет. Поможешь Кирилл?

– Да не вопрос. – На самом деле, мне правда нетрудно,

тем более что последний год за квартиру платить ходил я. Оплачивал себе, а за одно и бабе Клаве.

– Ну вот, тем более не заблудишься, Кирилл поможет. Ну и в квартире уберёшься. Снимешь шторы, полы помоешь с окнами, половики расстелишь, пропылесосишь, марафет наведёшь.

– Mam нет. Я не хочу оставаться здесь одна. Да ещё и в чужом городе.

– Ничего с тобой здесь не случится. А Кирилл если что, присмотрит за тобой одним глазком, а если сможет – двумя. На него можно положиться.

Анастасия Петровна подмигнула. От этого мне даже стало как-то не ловко.

– Может лучше потом вместе приедем и ... – Олеся посмотрела на мать и поняла, заканчивать фразу бесполезно.

– Я могу на тебя рассчитывать?

Девчонка развела руками, ничего не ответив.

– Спасибо доча, нам сейчас очень нужна твоя помощь. Я на тебя рассчитываю. – Мама наклонилась и поцеловала дочку в макушку.

ГЛАВА 3. ДЕНЬ ВТОРОЙ «ПОСЛЕ»

Олесю явно мамино поручение не привело в восторг. Оно и понятно, остаться одной в чужом городе, на несколько дней в квартире, только что умершей бабушки, не самое велико-лепное занятие и времяпрепровождение. А ведь на самом

деле, так ли оно надо? К чему такая срочность? Квитанции можно оплатить через пару дней, никуда они не денутся. Навести порядок тоже, тем более, вместе куда быстрее. Как по мне, так это лишь мнимая причина оставить девчонку в Балашове. Зачем? Непонятно. Но спорить без толку, и Олеся это знала, а потому её оставили, хоть это и не сказано в открытую, на моё попечение. И первое что мы сделали под моим чутким попечительством, когда автобус скрылся за поворотом, пошли за горячительными напитками.

– Слушай и всё-таки мне кажется, мы взяли слишком много. – Доставая вино и пиво, прокомментировала Олеся.

– Во-первых тебе кажется, а во-вторых не помню, что бы в магазине ты была против.

– А в-третьих?

– Что в-третьих? – Переспросил я.

– Ты сказал, во-первых, во-вторых, а что в-третьих не сказал. Я заметила, многие говоря, во-первых, и во-вторых, никогда не доходят до третьего аргумента.

– А в-третьих не обязательно пить всё именно сегодня.

– А если я хочу всё и сегодня?

– А если ты хочешь всё и сегодня, то готовься пускать слюни на подушку. Хотя тебе и алкоголь не нужен что бы пускать слюни. – Договорив я улыбнулся.

– Ты теперь мне до конца жизни припоминать будешь?

– А ты рассчитываешь провести со мной всю жизнь? –

Ответил я вопросом на вопрос.

Мы купили две полторашки пива «Жигулёвское», взяли полторашку «Жатецкого гуся» на пробу, а вишенкой на торте оказалось тёмное бархатное. Естественно всё на разлив. Вином заведовала Олеся, так как я в нём толком не понимал, то и не полез. Закуской же послужили: чипсы, фисташки, девчонка особенно их любит, и желтый полосатик. Теперь всё это добро стояло на столе и смотрело на нас.

– Предлагаю сначала шлифануться, скажем по стаканчику, а потом и обед готовить. А во время подготовки шлифануться ещё.

– Отличный план, но, – Олеся захотела что-то добавить, но замялась. – Сходишь со мной вещи забрать?

– Какие вещи?

– Сумка и квитанции с деньгами.

– Конечно, пойдём. Нужно было сразу забрать.

– Слушай Кирилл, ты не против если я у тебя останусь?

– Олеся, о чём речь вообще. Могла бы это и не озвучивать. Я бы тебя сам одну не оставил.

После этих слов у Олеси по всей видимости упал камень с души, что выразилось в явном облегчении.

– Накинь вон те тапочки, – я указал на обувь. – А я кроссовки обую.

Зайдя в квартиру, трудно было поверить, что несколько часов назад здесь отпевали Семёновну, а несколько дней назад, она ещё была жива. Теперь всё иначе и разделилось на «До» и «После», впрочем, уже не впервой. «До» – это ко-

гда разделяешь с кем-то годы, затем часы, потом секунды. В итоге настаёт «После». И время того, с кем ты разделял «До», останавливается, а твоё продолжает идти дальше, до того момента пока ты не начинаешь задаваться вопросом. А было ли это самое «До», вообще?

Забрав вещи и заперев квартиру, мы вернулись обратно.

– Олесь, ты квитанции с деньгами сразу в сумку положи, что бы завтра не искать.

– Уже, – Олеся скинула тапочки и повернулась. – Спасибо те...

– Притормози. Я не очень восприимчив к благодарности. Раз на то пошло, то не за что. Давай лучше вот над чем подумаем. Во что тебя переодеть? Не будешь же ты два дня в платье рассекать. Мало ли испортишь, заляпаешь чем или со стаканом пива уснёшь и прольёшь, – Олеся слегка улыбнулась и зыркнула на меня прищурив глаза. – Что? Я как-то купил новый комплект постельного белья, расстелил и в тот же вечер уснул с бокалом бархатного и разлил естественно. Стирал потом руками в тазике.

Это была сушая глупость, но мы стояли в коридоре и закатывались.

– Ладно, ладно, – пытался я успокоиться, но дальше продолжал смеяться. – Так, о чём я говорил. – И снова смех перебил меня.

Олеся укатывалась, пока не произнесла:

– Фуух. Не могу. – И вытерла слезинки от смеха.

– Так, о чём мы. А! Переодеть тебя надо, в платье не удобно, пойдём, – махнул я рукой и направился в спальню. – Ду-маю, спортивные штанцы и футболочка, сойдут.

Это были спортивные штаны из разряда подходящие всем, на кого не одень, будь то женщина или мужчина. И чёрная футболка, только теперь не с принтом звёздных войн, а с тёмным рыцарем или по-другому Бэтменом. Затаривал я их по относительно дешёвой цене, всего четы сотки за штуку, в магазине «Твоё».

– Ты переодевайся, а я пойду вино и пиво в холодильник заброшу и курицу заодно достану.

– Что ты хочешь с курицей делать?

– В рукаве запечь, с картошечкой.

– Курицу на меня оставь, а ты лучше пивка налей и картошку почисть, – скомандовала Олеся. – Сейчас быстренько переоденусь, тушь смою и приду.

– Хорошо, так даже лучше.

Мне почему-то стало очень приятно от этих слов. И всё-таки она хорошая девчонка. Чем я больше общался и проводил с ней времени, тем сильнее чувствовал, она не имеет отношения к кутерьме вокруг смерти бабы Клавы. И не просто чувствовал, а как говорят – нутром.

Стаканы лязгнули друг о друга, и рты наполнились пивом. Об этом с особым восторгом, оповестили вкусовые рецепторы. Когда долго не пьёшь пиво, а потом всё-таки добираться до него, оно кажется, особенно вкусным и приносит

максимум удовольствия. И так по всей видимости не у меня одного. Олеся, сделав пару больших глотков, поставила наполовину опустошённый стакан на стол.

– Давно я не пила пиво.

– Что так? – Отпив спросил я.

– Не хотелось как-то, да и не с кем особо.

– Подружки как же, про которых ты рассказывала, когда дверь в спальню сама открылась.

– Я с ними давно уже не общаюсь. Одна уехала в Москву, а другая тут в Балашове училась, так тут и осталась, насколько мне известно. Теперь наверно уже работает. Правда, мы ещё до того, как им разъехаться, перестали дружить.

– Ясно.

– Ну а ты?

– Что я?

– У тебя много друзей?

– До переезда сюда, у меня вообще не было друзей, не в школе, не в меде. Наверно потому что я приходил и всё время молчал, перекидывался пара-тройкой слов с кем-нибудь, и то если сами подойдут. В меде правда было пару знакомых, но не более. На шашлыки или на попойки никогда не ходил, хотя ребята частенько собирались, даже звали. Но всегда отказывался. Не знаю почему. Правильно меня потом нелюдимым называли, за спиной.

– Ты, нелюдимый? – С неким скепсисом отнеслась к последней фразе Олеся. – Мне так не показалось. Хотя я обща-

лась с зажатými и стеснительными людьми у нас тоже были такие в классе. Ладно это тогда. А сейчас?

– А сейчас у меня один друг. – И тут я замолчал.

Олеся стояла и ждала продолжения, пока не поняла, что я закончил свой короткий рассказ.

– И! – Допивая пиво, воскликнула девушка.

– Что и? – Включив дурачка, смотрел я на свою гостью.

– Я думала после фразы, цитирую: «А сейчас у меня один друг», ты расскажешь об этом друге.

– Разве и так не понятно?

– Нет.

– Ты!

Теперь я выключил дурачка и пристально смотрел за реакцией Олеси. Она явно не предвидела такого расклада, взяла мой стакан с пивом, глотнула и поставила обратно.

– Прекрасный выбор, одобряю. – С её губ срывался смех, но подавить она его смогла, только до стадии широченной улыбки.

– Полностью с тобой солидарен. – Дальше подыграл я.

– Тебе не кажется, что для друзей, мы слишком мало знаем друг о друге. – Лихо подметила девушка.

– Согласен. Давай исправим эту вопиющую несправедливость, – я встал со стула, протянул Олеся руку и сказал. – Телегин Кирилл Алексеевич, нелюдимый фельдшер, по совместительству твой собутыльник и новый друг.

Олеся не растерялась:

– Морозова Олеся Юрьевна, повар-технолог, незнакомка и ..., – девчонка слегка задумалась, придумывая, что ещё сказать и выдала. – Твой Ангел хранитель и новый друг.

Иным, диалог и вся ситуация в целом покажется странной, но не для нас. Мы стояли скреплённые рукопожатием, давя лыбу на все тридцать два зуба, закрепляя другу за другом, совершенно новый статус. Выйдя за рамки очаровательной незнакомки и Кирилла – соседа бабы Клавы, о котором кто-то, что-то, много рассказывал. Теперь это начало чего-то нового, чего-то, что не нужно писать на бумаге и заверять нотариально. Чего-то, что не нужно подтверждать печатью и подписью. Чего-то, что рождается только в таком вот странном диалоге и рукопожатии. Это – дружба. И хоть сегодня день траура по моей, пусть и не родной, но всё же бабушке, меня переполняли смешанные чувства, от грусти и печали до стыдливой радости. Если есть жизнь на том свете, в любом своём виде, описанном в литературе, то я уверен, что баба Клава на меня не в обиде за чувства, переполняющие сердце. А наоборот, безмерно рада, что я нашел то, что каждый должен найти хоть раз. Почувствовал то, что каждый должен почувствовать хоть раз, прежде чем придёт к своему логическому концу.

– Так, давай разберёмся, – сев на место начал я. – Повар-технолог понятно, твоя профессия, с незнакомкой тоже всё ясно. А вот крыльев у тебя за спиной, я не наблюдаю.

– Ты сегодня ночью, после того как гузном кверху поле-

жал, крепко спал?

– Крепко, но мало.

– Вот! – подняла палец вверх Олеся. – Это потому что, я охраняла твой чуткий сон. Твой Ангел хранитель. Поэтому и не выспалась. – Деловито подчеркнула девушка.

Я посидел немного подумав, почесал подбородок.

– Вот теперь вижу крылья, сразу не заметил. Буду теперь тебя Ангелом называть.

– Так меня ещё никто не называл, – подметила Олеся проговорив в пустой стакан и обнаружив что содержимого нет поставила обратно на стол. – Кирилл, долго ты ещё цедить будешь, а я в пустой стакан говорить?

– Пардон. – Я открыл морозилку, достал пенного и наполнил стаканы до краёв.

Шлифовка закончилась, самое время приступить ко второй фазе, а именно готовить обед, чем мы и занялись.

Кухня наполнилась превосходным ароматом. Уже не терпелось отведать сочную куриную ножку, или белого мяса с грудки, или нежное крылышко в специях. Положить на тарелку картошечки, немного селёдки пусть и из банки, немного овощного салата из огурцов и помидоров, купленных в местном ларечке и отведать всего этого великолепия. Но пока курица не готова, оставалось только ждать и допивать пиво. Нет, конечно мы выпили не всё, а только добивали первую бутылку. То ли с недосыпа, то ли от того что голодный, а может потому что давно не выпивал, мне звонко дало

по шарам. Конечно же не по тем шарам, по другим, которые в голове и отвечают за опьянение. И тут два выхода: дожидаться курицы и поесть, тогда эффект опьянения будет меньше, я в этом на сто процентов уверен, либо накатить ещё и благополучно войти в золотую середину. Золотой серединой, я называл состояние, когда тебя максимально расслабило, но ты ещё не пьяный. При этом сохраняется ясность мысли и ума. Отдаётся контроль всем своим действиям, координация ещё не нарушена, а ты весь такой весёлый, активный и даже не прочь поговорить на более тонкие темы, при этом зная, что не взболтнёшь лишнего. И это состояние, когда пьёшь пиво, мне нравилось больше всего, а потому старался, как можно дольше в нём оставаться, а не ударятся в крайности. Правда не всегда получалось. Ещё я заметил, не знаю как у других, а у меня точно. Когда пьёшь не разливное, а обычное пиво, в стекле например, никакой золотой середины нет. Ты просто пьёшь и в какой-то момент, обнаруживаешь себя набуханным. Резко, вероломно, не каких тебе плавных переходов, как от разливного пива.

– Похоже готово. – Открыв духовку, вынесла вердикт Олеся.

– О, наконец то, а то я уже слюнями изашёлся.

Трапеза началась, и всё что стояло на столе, пошло в ход. Крылышко, ножка, грудка, картошечка вперемешку с овощами и селёдка. Заедалось всё это чёрным хлебом, а запивалось тёмным бархатным. Обед оказался вкусным, а главное

сытным. И снова, Олеся показала великолепные результаты в поедание пищи. Она доказала, что не из того разряда дамочек, которые за столом долго и томно чвякают и глотают еду, только после того, как распробуют её всем нёбом. На что уж я быстро ем, как мне казалось, но Олеся превзошла меня на этом гастрономическом поприще, как по времени, так и по количеству.

– Спасибо Кирилл.

– Не за что, сама трудилась.

– Продукты твои.

– Твои, мои, какая разница? Ты хоть наелась?

– Я так наелась, что на курицу теперь смотреть не могу.

– Славно. – Улыбнулся я, довольный таким ответом.

Олеся встала из-за стола.

– Сейчас приду, подожди, – на этих словах девчонка нырнула в коридор. – Мамка что-то не звонит.

– Сама позвони.

Олеся вернулась на кухню с телефоном в руках. И это был не мой китайский смартфон за семь тысяч, с постоянно пропадающей куда-то памятью. Это самый настоящий убийца флагманской линейки последней модели, в красной расцветке. У него не то что память не пропадает, мне кажется если он сам пропадёт, допустим украдут или потеряется на улице, то своим ходом, благополучно вернётся к своему владельцу.

Олеся, заметив мой интерес к девайсу, молча протянула смартфон.

– Можно? – Всё-таки в качестве вежливости спросил.

– Конечно.

Несмотря на свой размер, телефон удобно лежал в руке и оказался на удивление лёгким. Я провел по безрамочному экрану. Блокировка отсутствовала.

– Мне нечего скрывать. – Работая на опережение, прокомментировала Олеся.

– А если кто в твои соц. сети зайдёт?

– Пусть заходят, я же говорю, мне нечего скрывать.

Пошарив по настройкам и вкладкам, посмотрев камеру, потыкав в монитор, проверяя на сколько он отзывчив, я зашёл в фотографии. И тут их полно, тьма тьмущая. На природе, на речке, во дворе, Олеся не соврала и впрямь большой участок, даже на фото видно. С бабушкой в доме, с крёстным, с мамой и папой. Дальше просто цветы и пейзажи и пушистый кот персикового цвета.

– Это твой котик?

Олеся наклонилась ко мне:

– Нет, это соседский. Заходит иногда покушать. Пух зовут.

– Пушок значит.

– Не Пушок, а Пух.

Я не стал акцентировать внимание на том, почему не Пушок, а Пух и продолжил дальше листать фотографии. Селфи на кровати, у зеркала, на балконе, под цветущей вишней. С каким-то парнем, опять с ним, и на другом тоже, а вот в об-

нимку, а тут они крупным планом и Олеся целует его в щёку. «Что за парень?» Мысленно я задал себе вопрос. Олеся, видя на каком фото я остановился сказала:

– Это мой бывший парень, Артём, встречались немного после одиннадцатого класса. А это фото сделано на второй день после выпускного. Мы тогда с классом в лесу отмечали.

Я ничего не ответил, а только закрыл вкладки и отдал телефон. Хорошо она сама рассказа, сам бы я спрашивать о таком не решился. Не с руки мне совать нос в чужой вопрос. Даже если хочется.

– Мамке то позвони, а то я прихватизировал у тебя телефон.

– Ну тебе же интересно было. Любопытство не порок, – Выдала девушка и в этот момент выглядела немного серьёзно, но открытая как книга. Бери, Кирилл, читай. – А вдруг они ещё заняты, а я буду названивать?

– Если заняты, потом сами перезвонят.

Олеся ждала, когда мама возьмёт трубку, но этого не произошло. После продолжительных гудков, вызов сбросился.

– Ничего страшного, как увидит пропущенный, перезвонит, наверное поминают.

После этих слов наступила маленькая и неловкая тишина, а когда наши взгляды пересеклись, неловкость стала уже не прикрытой.

– Есть ещё будем? – Кому-то из нас следовало разорвать порочный круг молчания, пусть это буду я.

– Нет.

– Тогда, надо убрать со стола.

Мы одновременно зашевелились, загремели посудой, вилками, ножами. Зажурчала вода в раковине, захлопала дверца холодильника, куда и отправились остатки еды.

– Ну, а пиво ещё будем? – Спросил я, и кстати, как и говорил, после еды эффект опьянения сошёл почти на нет.

– Может винца?

– Можно и винца. Только пить будем из других стаканов. У меня в зале в стенке, полощёнее стоят для таких напитков.

– Ой, Кирилл Алексеевич, умеете вы навести лоска.

– Не буду скрывать, я умею придать шарма, даже такому занятию, как распитие вина перед телевизором.

На этих словах, захватив с собой бутылку вина и упаковку фисташек, мы перебазировались в зал: пить вино, смотреть телевизор, общаться и делать это с лоском.

Не успели мы присесть на диван, как у Олеси зазвонил телефон. В рингтоне звучали слова «Твои глаза, такие чистые как небо. Назад нельзя...» На этом моменте, он благополучно оборвался, потому что девушка взяла трубку. Представления о прекрасном, по крайней мере в плане музыки, у нас отличались. Я не любил данный жанр и такие песни. Мне больше подходил старый добрый ДДТ или Ария, но только, чтобы в исполнение маэстро Кипелова, а если из иностранного, то это Битлы или ACDC. Но о вкусах не спорят и каждый слушает то, что ему ближе. Кому-то нравится, что бы

качало, кому-то, что бы побольше драйва, Иным потрешо-вей, для других вообще нет разницы, главное, чтобы песня находилась в топах всех чартов, а для какого-то, важен духовный посыл. Выбирай что нравится.

Олеся ходила по залу и говорила по телефону, начало разговора я пропустил.

– Да нормально. Поела уже. С Кириллом курицу запекали. Да у него. Мам я у Кирилла с ночёвкой останусь. Нет мам, не докучаю. Он сам сказал, что не против. Ага. Сейчас будем телек смотреть и вино пить. Я помню, сделаю. Угу. Давай, позвони перед сном. Пока, пока, – Олеся положила трубку, глянула на меня, подошла и бухнулась на диван. – Нормально добрались, без происшествий. Ты был прав, поминуют сидят.

Я лишь кивал на всё сказанное.

– Тебе от мамки спасибо. Ещё она сказала, что ты настоящий джентльмен.

– Оу! – Произнёс я немного растерянно. – Ладно.

– Что смотреть будем? – Быстро, с темы на тему, переключилась девушка.

– Ты у нас ди-джей по каналам, тебе и выбирать.

– Что бы ты сел смотреть, без меня?

– Ничего. Без тебя я сел бы играть в комп.

– Ты компьютерные игры любишь?

– Что не заметно? – Указал я в сторону телевизора.

Под ним стояли игровые консоли, разных поколений, от

PlayStation до Xbox.

– Кирилл, да ты задрот. – Поставила диагноз Олеся, хотя медиком здесь был я.

– Это второй мой скелет в шкафу, помимо нелюдимости. Олеся внимательно осмотрела мою коллекцию.

– У тебя и диски есть?

– Конечно.

– А это что? – Показала девчонка на длинную камеру, прикреплённую по верх телевизора.

– Это сенсор для Xbox, считывает движения и выводит на монитор. С его помощью можно играть в подвижные игры, например в танцы.

– Ты танцуешь? – Произнесла Олеся с неподдельным интересом и восторгом, – Покажешь потом?

– Покажу, но не сегодня.

Моя гостья одобрительно кивнула и вернулась на диван. Мы наполнили стаканы вином и занялись тем, чем и собирались. По каналу шла мелодрама из разряда киномыло, или мыльная опера. Из тех что легко предсказуемы, а актёрская игра оставляет желать лучшего. Ну да ладно, что захотелось моей гостье, то и выбрала. На экране мелькали девушка с парнем, судя по сюжету, они были молодой парой, две половинки и когда-то в начале фильма, собирались пожениться. Теперь она вела себя холодно, пассивно, отрешённо, а за причиной вечной усталости и головной болью, скрывалась тайна. Но это не их общая тайна, как бывало раньше. Теперь эта

тайна предназначалась другому.

– Она его не любит. – После долгой паузы сказал я.

– С чего ты взял, мы же не сначала смотрим?

– Вот увидишь, она от него уйдёт.

– Куда?

– Не куда, а к кому?

– К кому?

– К кому-то из их ближайшего окружения.

– Да откуда ты это знаешь?

– Чуйка. – Лаконично ответил я.

– Ты, наверное, этот фильм уже смотрел.

– Нет. Первый раз вижу. Вот увидишь, она уйдёт. А потом он узнает, что у неё другой.

– Ты смотрию эксперт в любовных делах. Богатый опыт? –

Олеся с кино переключилась на мою персону.

– Нет. У меня и девушки то никогда не было.

– Вообще никогда?

– Ну в том плане, чтобы влюбился, познакомился, ухаживал, встречался и прочая мишура – нет.

– В каком плане, тогда была? – И тут же сообразив в каком плане была, Олеся продолжила. – А, понятно, можешь не расшифровывать.

– Да не в каком плане не было.

Олеся, услышав, что у меня в таком возрасте, ещё не было девушки, ничего не сказала, не начала зубоскалить и смеяться.

– Тебе никто никогда не нравился?

– Почему не нравился, нравился. Но те, кто мне нравились, а таких не много, у них у всех были, как сейчас модно говорить, парни. А я не из тех людей, что «Мужа мы уроем ты уйдёшь с героем» или у тебя есть парень, хрен с ним, подвинется. Не могу я так. Или даже вот, допустим, ну не знаю, ты мне нравишься, но это же не повод сразу к тебе клинья подбивать, как тот из похоронки. А знакомиться с девушками, что бы в постель затащить. Я такой цели никогда не преследовал. Наверно со мной что не так. Хотя нет, всё со мной так.

Я закончил свой длинный монолог, посмотрел на девушку, и она покраснелась не хуже красной крышки своего смартфона. Из всего моего рассказа, она похоже только уловила слова «Допустим» «Ты» и «Мне нравишься». Именно это обуславливало бегающие глаза и цвет лица. С её губ начали срываться слова, но она быстро закрыла рот руками и сделала вид, что слегка кашлянула, как будто поперхнулась. Я услышал первые слова или мне показалось что услышал «А я правда...» и логичным завершением фразы стало бы «тебе нравлюсь». А полностью «А я правда тебе нравлюсь?». Но так как фраза не закончена и произнесена тихо, теперь я не уверен, что услышал то что услышал. Ведь это могла быть и моя бурная фантазия, но этого хватило для того что бы лицо начало гореть.

– Извини что спросила. – Опустив взгляд сказала Олеся.

– Ну тебе же интересно, любопытство не порок. – Парировал я той же фразой, что ранее и Олеся.

Произнеся последнее, я осознал, мы оба вошли в золотую середину, отсюда и начались более тонкие разговоры. И размасть пошла, то теперь нас не остановить.

– Ты со своим долго встречалась?

– С Артёмом? – Уточнила девушка.

– Были и другие?

– Нет. Не было.

Олеся вздохнула и начала:

– Влюбилась я в него ещё в первом классе. Такая детская любовь, но уже любовь. Он казался забавным, немного странным. Ничего не изменилось и к одиннадцатому классу. Только тайные записочки, дёрганье за волосы, беготня по школе друг за другом, неподписанные валентинки, сменились на переглядки, неловкие разговоры, провожание до дома под разными предлогами. Иной раз мы сидели вместе и даже было такое, что он дрался за меня если видел в человеке соперника. Но в открытую мы не объяснялись. Хотя симпатия была взаимной. И это стало уже не детской, а подростковой любовью, но всё же любовью. На выпускном, мы загадывали желания, зажигали фонарики и отпускали в небо. Тогда я загадала, что бы мы всегда были вместе. И вот он признался мне в любви. И это стало уже взрослой любовью. Мы даже хотели поступить учиться в одно и тоже место. Второй день выпускного отмечали тоже вместе, тогда же и

сделаны фотографии, которые ты смотрел. Я была счастлива, но это длилось не долго. После выпускного мы наслаждались обществом друг друга, гуляли, бывало даже до рассвета, правда мне потом влетало по-крупному, но когда любишь – это всего лишь мелочи. Могли сутками сидеть на телефоне, а по ночам переписываться в чате. Но постепенно звонки стали короче, лента сообщений меньше, а встречи реже и так пока совсем не прекратились. Огонь в его глазах сменился на безразличие, он стал меня избегать и игнорировать. Неужели так трудно было сказать всё на чистоту. Олесь, ты мне надоела или Олесь давай расстанемся или хоть что-то. Конечно слабое утешение, но по крайней мере честное. Вместо этого я сидела и гадала, что сделала не так и чем обидела. В итоге пришла к решению – бегать за кем-то и навязываться, слишком не позволительная роскошь, тем более если человек сам не изъявляет желание нормально объясниться. То лето закончилось тем, что я поступила на повара-технолога, а остаток времени провалялась на кровати.

– Ну а вы с ним пересекалась после этого?

– Конечно. Мы же живем в одном селе. Поначалу было больно, не приятно. Бывало даже намеренно стороной обходила, а потом стало наплевать.

– Ясно. Слушай Олесь, раз такие откровенные разговоры пошли, можно спросить?

– Спрашивай.

– Ты вчера в подъезде сказала, что баба Клава обо мне

много рассказывала, ты лично с ней говорила?

– Нет, лично я с ней ни разу не говорила, даже телефону. Она с бабушкой и крёстным общалась, вот через них я про тебя и узнала.

– И часто они общались?

– Не знаю. А в чем дело?

– Клавдия Семёновна уверяла, что вы живёте далеко и совсем не общаетесь. Как думаешь, зачем она мне соврала?

Девушка знала ответ, по ней видно. С момента, как я начал задавать вопрос, а потом закончил, Олесено лицо менялось. С возбужденного и взбудораженного, до откровенно спокойного. В нём не было и тени обмана, ехидства или злобы. Оно до сих пор оставалось открытым, только теперь в нём читалось: «Кирилл, я люблю свою семью, но пока не спрашивай меня о ней». И я не стал. У меня в запасе оставался ещё один вопрос, касался он двух не известных родственников, которые раздавали свечи перед отпеванием. Но я уверен, если задать вопрос про них, в ответ получу тоже выражение лица. А это значит, два совершенно разных вопроса имели под собой один и тот же знаменатель и одинаковый корень. И решив всего лишь одно уравнение, я получу ответы на оба.

– Кирилл я ...

– Не продолжай. Я понял. Как придёт время, расскажешь.

– Я правда тебе расскажу, но не сейчас.

И я ей верю. А потому просто перевёл разговор:

– Завтра сходим заплатим, потом уберёмся у бабы Клавды в квартире, а вечером мне нужно к смене готовиться.

– Я забыла, ты же после завтра работаешь.

– Придётся тебе одной побыть.

– Ты вечером вернёшься?

– Нет. Я же на сутки ухожу.

– На сутки? Капец!

И пока Олеся не погрузилась в полное отчаяние, я решил её немного успокоить.

– Ничего страшного, посидишь тут одна денёк. Продукты мы подкупим, электроникой пользоваться умеешь, всё будет в твоём полном распоряжении. На всякий случай, запасные ключи оставляю. Ну а попозже покажу, что где лежит.

Я знаю, о чём подумала девушка. Она подумала, раз ухожу, то выставлю её за дверь, запру квартиру и уйду на работу. А ей придется коротать время в стенах покойной бабушки и трястись от каждого шороха. Естественно я так не поступлю, тем более после того рассказа. Волнения беспочвенны, квартиру она не разнесёт, не обчистит, зачем ей моё барахло, да и не из таких она людей. А потому, могу со спокойной душой оставлять её дома одну и идти на работу.

– И номер мне свой оставь.

– И номер оставляю и в соц. сетях добавлюсь, так что на связи буду. Немного успокоилась?

– Если честно, да.

– А ты думала, я на работу уйду, а тебя за дверь выставлю?

Олеся быстро закивала головой при этом улыбаясь. Это выглядело так смешно и забавно, что сначала засмеялся я, а потом и сама девушка.

– Всё будет ровно, послезавтра последнюю смену отрабатываю, а потом у меня отпуск начинается, и я буду в полном твоём распоряжении.

Сказанное, явно тронуло Олесю, как и весь поступок в целом.

– Даже не знаю, что сказать. – Заговорила девчонка.

– Если не знаешь, что сказать, скажи, что думаешь.

– Если честно, сейчас я думаю о том, что у меня в стакане пусто.

Я снова засмеялся, поднял бутылку с пола, откупорил и налил вино.

– А если серьёзно, ты такой необыкновенный. Вот правда, необычный, необыкновенный, я таких ещё не встречала.

– Я тоже в своей жизни не встречал Ангелов. Ты первая.

Этот диалог породил молчание. Не неловкое как на кухне, обычное. Взгляды не сходили с дистанции, они пересекались, сталкиваясь друг с другом. Сейчас смущение, кокетство и робость не к чему. Они остались на заднем плане, для других людей. А для себя мы оставили неприкрытое откровение, выраженное в двух предложениях. Никаких лишних слов, только то что каждый видел перед собой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.